

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра уголовного права и процесса

**ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Магистерская диссертация

обучающейся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция,
программа «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное
право», заочной формы обучения, группы 01001461

Прокоповой Оксаны Сергеевны

Научный руководитель
канд. юрид. наук, Бурцев А.С.

Рецензент
канд. юрид. наук, доцент
Фесенко Н.П.

БЕЛГОРОД 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Юридическая природа и социально-правовое назначение добровольного отказа от преступления.....	6
§ 1. Регламентация добровольного отказа от преступления в отечественном и зарубежном законодательстве.....	6
§ 2. Юридическая природа добровольного отказа от преступления.....	18
Глава 2. Условия правомерности добровольного отказа от преступления и его место в системе институтов уголовного права.....	29
§ 1. Условия правомерности добровольного отказа от преступления и проблемы его законодательной регламентации.....	29
§ 2. Добровольный отказ от преступления в системе иных оснований прекращения уголовного преследования или изменения его характера и объема.....	43
Заключение.....	59
Список использованной литературы.....	65

Введение

Актуальность исследования. Большое влияние на становление правового государства в Российской Федерации в XXI веке имеет сложившаяся криминальная ситуация. Об этом свидетельствует рост числа умышленных преступлений, борьба с которыми является приоритетной задачей правоохранительных органов, а, следовательно, и уголовного права. Научные исследования в области уголовного права показывают, что в стимуляции правомерного поведения более значимо поощрение по сравнению с наказанием. Поощрение в большей мере способствует улучшению поведения, нежели наказание. Оно стимулирует людей на социально полезное поведение, а значит, способствует снижению уровня преступности и улучшению криминальной обстановки.

В следственной и судебной практике годами накапливались проблемы, связанные с юридической оценкой "пограничных ситуаций" - между неоконченным преступлением и добровольным отказом от доведения его до конца.

Одной из норм, регулирующих позитивное поведение виновного лица, следует признать уголовно-правовую норму, закрепленную в ст. 31 УК РФ и посвященную добровольному отказу от преступления. «Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца», - говорится в ч. 2 указанной статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Вместе с тем, многие вопросы, касающиеся данного института уголовного права, до сих пор остаются дискуссионными. Данная ситуация негативным образом сказывается на эффективности применения добровольного отказа от преступления в правоприменительной практике. Более того, несовершенство правового регулирования и наличие противоречивых подходов в науке уголовного права могут создавать почву для возможных

злоупотреблений со стороны правоприменителей, когда добровольный отказ используется для сокрытия от учета неоконченных преступлений, вследствие чего вместо проведения мероприятий по раскрытию покушений и приготовлений сотрудниками правоохранительных органов выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении уголовного дела.

Объектом исследования является добровольный отказ от преступления в отечественном уголовном праве.

Предметом исследования являются нормы действующего российского и зарубежного уголовного законодательства, регламентирующие добровольный отказ от преступления, неоконченное преступление и соучастие в преступлении.

Целью исследования является изучение и анализ научной, учебной литературы, посвященной добровольному отказу от преступления, а также примеров следственной и судебной практики его применения.

Для выполнения поставленной цели необходимо последовательно решить ряд *задач*. Среди которых:

1. Проанализировать генезис развития института добровольного отказа преступления.
2. Раскрыть понятие, юридическую природу и социально-правовое назначение института добровольного отказа преступления в отечественном и зарубежном законодательстве.
3. Проанализировать условия правомерности добровольного отказа от преступления и проблему их законодательной регламентации.
4. Рассмотреть добровольный отказ от преступления в системе иных оснований прекращения уголовного преследования или изменения его характера и объема.

Теоретическую базу исследования составили научные работы таких ученых как: Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, П.И. Гришаев, Н.Д. Дурманов, Д.Е. Дядько, В.Д. Иванов, В.Ф. Караулов, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, Г.А. Кригер,

Н.Ф. Кузнецова, Н.В. Лясс, К.А. Панько, А.А. Пионтковский, В.В. Питецкий, П.Ф. Тельнов, А.А. Тер-Акопов, И.С. Тишкевич, А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский, М.А. Шнейдер и др.

Методология исследования включает в себя всеобщий диалектический метод познания, а также частные и специальные методы научного познания (формально-логический, сравнительно-правовой, исторический, системно-структурный, логико-юридический, статистический), логические операции (анализа и синтеза, дедукции и индукции) и другие.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что изложенные предложения и рекомендации могут иметь не только теоретическое значение, но и могут быть использованы в практической деятельности правоохранительных органов.

Структура магистерской диссертации состоит из введения, двух глав, объединяющих четыре параграфа, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. Юридическая природа и социально-правовое назначение добровольного отказа от преступления

§ 1. Регламентация добровольного отказа от преступления в отечественном и зарубежном законодательстве

История развития отечественного и зарубежного уголовного законодательства убедительно свидетельствует о том, что лицо, преступившее черту уголовного закона и добровольно предпринявшее после этого меры к смягчению последствий такого конфликта, всегда могло рассчитывать на положительную реакцию со стороны государства. Также всегда при этом законодатель стремился к установлению соответствующей соразмерности между двумя этими явлениями. Одна из таких ситуаций связана с добровольным отказом от доведения преступления до конца.

Первым отечественным кодифицированным нормативным актом уголовно-правового характера, отразившим добровольный отказ, является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в ст. 119 которого предусматривалось: «Когда учинивший приготовление к преступлению или уже и покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершил преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том случае, если содеянное им при сем приготовлении и покушении есть само по себе преступление, и только за сие преступление, а не за то, которое он был прежде намерен совершить»¹.

С точки зрения современных представлений о добровольном отказе, приведенное установление, конечно же, несовершенно. Однако, по сути, оно отражает все основные признаки рассматриваемого применительно к преступлениям, совершаемым индивидуально (включая решение вопроса о правовых последствиях).

¹ См.: Российское законодательство X-XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М, 1988. С. 197.

В Уголовном уложении 1903 г. вопрос о добровольном отказе от доведения до конца преступлений, совершаемых одним лицом, вообще был оставлен без внимания. Вместе с тем в этом нормативном акте впервые в отечественном законодательстве была предпринята попытка регламентировать добровольный отказ при соучастии: «Соучастник, отказавшийся от участия в преступном деянии и принявший своевременно все зависящие от него меры для предотвращения оного, освобождается от наказания» (ст. 51)².

В первом нормативном акте уголовно-правового характера советского периода - Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. - непосредственно вопрос о добровольном отказе не затрагивался. Регламентируя стадии осуществления преступления, законодатель, в частности, оговаривал, что «преступление считается оконченным, когда намерение совершившего преступление осуществилось до конца» (ст. 17), что «стадия осуществления намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника» (ст. 20). С учетом же того факта, что в Руководящих началах и преступление определялось просто как нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом (ст. 50) позиция законодателя того времени в отношении добровольного отказа представляется вполне логичной. Не определив в законе круг нарушений, признаваемых преступлениями, не было необходимости говорить и о юридическом моменте их окончания. Сделав акцент на субъективное в содержании преступного, законодатель, естественно, и его уголовно-правовую оценку полностью отдал на откуп правоприменителю, не ограничивая последнего фиксированными критериями оценки неоконченной преступной деятельности³.

В УК РСФСР 1922 г. в отечественном уголовном законодательстве впервые произошло структурное подразделение нормативного материала на

² См.: Российское законодательство X-XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 287.

³ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 59.

Общую и Особенную части⁴. Вместе с тем из легального определения понятия преступления (ст. 6) вытекала возможность применения уголовного закона и по аналогии. Вероятно, именно такая двойственность обуславливала по-прежнему «сдержанное» отношение законодателя к регламентации добровольного отказа. Принципиально допуская такую ситуацию, он вместе с тем определял, что «покушение... не доведенное до конца по собственному побуждению покушавшегося, карается как то преступление, которое фактически им совершено»⁵. Недостатком данного определения было не только то, что в нем обходились стороной вопросы о возможности добровольного отказа на стадии приготовления, о правовых последствиях добровольного отказа и возможности его в преступлениях, совершаемых в соучастии. Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, «такой текст юридически неосведомленному гражданину грозил уголовной ответственностью вместо того, чтобы выполнять функцию, по образному выражению, «золотого моста», который законодатель строит для начавшего преступление лица»⁶. Это замечание, сделанное в отношении текста ст. 16 УК РСФСР 1960 г., на мой взгляд, в полной мере применимо и к ст. 6 УК РСФСР 1922 г., и к последовавшим за ним нормативным актам уголовно-правового характера вплоть до УК РФ 1996 г.

Так, Основные начала уголовного законодательства СССР и Союзных республик 1924 г. вообще не предусматривали специальной оговорки на случай добровольного недоведения преступления до конца. Статья 11 Основных начал гласила: «Если начатое преступление не было доведено до конца, т.е. если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе мер социальной защиты, назначенных уголовным законом за данный вид

⁴ Хотя фактически такое деление нормативного материала без обозначения Общей и Особенной частей имело место в более ранних актах (в частности, в Уложениях 1845 и 1903 гг.).

⁵ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР С. 117. Согласно ч. 2 ст. 12.1 УК РСФСР 1922 г. приготовление к преступлению каралось лишь в том случае, «если оно само по себе являлось наказуемым действием».

⁶ Кузнецова Н.Ф. Неоконченное преступление // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 376.

преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения». В свете же того, что при этом в качестве основания применения мер социальной защиты мог выступать не только сам по себе факт совершения преступления, но и связь с преступной средой (независимо от привлечения лица к судебной ответственности за совершение определенного преступления) (ст. 22)⁷, то даже при осведомленности об этих нормах лица, приступившего к осуществлению преступного намерения, на позитивную его реакцию рассчитывать не приходилось. Не менее реальная угроза применения мер социальной защиты в такой ситуации сохранялась и по УК РСФСР редакции 1926 г., согласно которому «в случаях, если преступление не было совершено по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление, от его совершения, суд устанавливает соответствующую меру социальной защиты за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся» (ст. 19)⁸.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., равно как и принятый в их развитие УК РСФСР 1960 г., в интересующем меня вопросе примечательны по нескольким обстоятельствам. Во-первых, именно в этих актах мы встречаемся с современным определением ситуации, связанной с недоведением преступления до конца по воле субъекта: «добровольный отказ от совершения преступления». Во-вторых, впервые в отечественной законодательной практике произошло структурное обособление нормы о добровольном отказе от иного нормативного материала (ст. 16). В-третьих, несмотря на приведенное выше критическое замечание Н.Ф. Кузнецовой, следует признать, что и в Основах, и в УК отечественный законодатель впервые обратился непосредственно к лицу, хотя уже и вставшему на преступный путь, но добровольно отказавшемуся от доведения преступления до конца. Именно здесь впервые было сформулировано правовое

⁷ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. С. 202-204.

⁸ См.: Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1987. С. 16.

последствие добровольного отказа - «не подлежит уголовной ответственности»⁹. Можно, конечно, сожалеть о том, что при этом вне поля зрения законодателя остался вопрос о добровольном отказе при соучастии, решавшийся еще в Уголовном уложении 1903 г. С учетом направленности данной нормы на прекращение уже начатого преступления, в ней могли бы быть иначе расставлены и акценты в части его правовых последствий. Представляется, однако, что для своей эпохи, когда одновременно была исключена аналогия в уголовном законе (ст. 14), предложенная регламентация добровольного отказа была достаточно совершенной, и только более чем тридцатилетняя практика ее применения, как и достигнутый за этот период времени уровень теоретических исследований в этой области, способствовали отражению данного института в уголовном законе в том виде, как это сделано в УК 1996 г.

В связи с проведением сравнительного анализа положений о добровольном отказе предусмотренных в ст. 31 УК РФ 1996 г. представляется целесообразным рассмотреть вопрос о том, как эта проблема решена в УК других государств - участников СНГ, а также в УК Литовской, Латвийской и Эстонской Республик, не вошедших в Содружество¹⁰.

Практически во всех названных УК добровольный отказ регламентируется именно как добровольный отказ, за исключением двух УК: в УК Республики Молдова и в УК Туркменистана это обстоятельство рассматривается как одно из оснований освобождения от уголовной ответственности («Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от преступления (от совершения преступления)»). Вполне закономерно в этой связи, что и в том, и в другом случае добровольный отказ регламентируется не как обычно - в главе о неоконченном преступлении,

⁹ См.: Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1987. С. 16.

¹⁰ С учетом изменений и дополнений УК этих трех государств, внесенных после принятия Модельного УК.

- а в главе об освобождении от уголовной ответственности (соответственно, VI и X)¹¹.

В большинстве случаев соответствующие статьи УК называются «Добровольный отказ от преступления» (УК Грузии, Азербайджанской Республики, Республик Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан)¹², в трех случаях - «Добровольный отказ от совершения преступления» (УК Республики Узбекистан, Кыргызской и Эстонской Республик)¹³, в одном - просто «Добровольный отказ» (УК Латвийской Республики)¹⁴. Выделяются на этом фоне два УК: Украины и Литовской Республики. Статья 23 последнего называется «Добровольный отказ довести преступное деяние до конца», хотя в самом тексте ч. 1 этой статьи в качестве определяемого понятия выступает «добровольный отказ от совершения преступления либо уголовного проступка». Удивляет то, что в последующем (в чч. 2-4 ст. 23) данное понятие более не встречается и литовский законодатель оперирует формулировкой, вынесенной в название статьи¹⁵. Что же касается УК Украины, то он привлекает внимание другим. Сама ст. 17 называется «Добровольный отказ при неоконченном преступлении». Определяется же при этом просто «добровольный отказ» - как «окончательное прекращение лицом по собственной воле подготовки к преступлению или покушения на преступление, если при этом оно осознавало возможность доведения преступления до конца»

¹¹ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003. С. 145-146; Лозовицкая Г.Л. Общий сравнительно-правовой комментарий и сравнительные таблицы Уголовных кодексов государств - участников СНГ: В 2 ч. / Под ред. П.Г. Пономарева. Саратов, 2002. Ч. 2. С. 130-131.

¹² См.: Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 97-98; Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2001. С. 55-57; Уголовный кодекс Республики Армения. Ереван, 2004. С. 29; Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 91-92; Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001. С. 47-48; Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001. С. 47-48.

¹³ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001. С. 67-68; Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. С. 56-57; Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. С. 49.

¹⁴ См.: Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб., 2001. С. 58.

¹⁵ Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб., 2003. С. 136-138.

(ч. 1 ст. 17)¹⁶. Именно о добровольном отказе от доведения преступления до конца, а не о добровольном отказе при неоконченном преступлении идет речь и в ч. 2 ст. 17. Другого рода вопрос может возникнуть по поводу использования в приведенном определении понятия добровольного отказа слова «подготовка» вместо ожидаемого слова «приготовление». В этой связи А.П.Козлов высказывает суждение, что тем самым добровольный отказ связывается только с покушением и не связывается с приготовлением к преступлению, «что больше напоминает стадию создания условия, а не пресеченное поведение»¹⁷. Между тем, даже исходя из анализа содержания ст. 13, 14 УК Украины, можно сделать только один вывод: и при определении добровольного отказа речь идет о приготовлении к преступлению. Другой вопрос, что в приведенной версии перевода УК Украины допущена ошибка (повторенная еще и в ст. 16 «Уголовная ответственность за неоконченное преступление»). В научно-практическом комментарии к УК Украины, подготовленном непосредственно украинскими специалистами, в ст. 16 и 17 говорится именно о «приготовлении», а не о «подготовке» к преступлению¹⁸. И такой единообразный подход к описанию стадий неоконченного преступления, на которых возможен добровольный отказ, используемый также в ст. 36 УК Республики Армения, на мой взгляд, заслуживает внимания российского законодателя.

Ряд оригинальных положений в определении понятия добровольного отказа можно обнаружить и в других УК бывших союзных республик.

В Уголовном кодексе Грузии этот вопрос вообще обходится стороной. И, возможно, с точки зрения общей устремленности большинства названных УК к легальному определению понятий, устоявшихся в теории уголовного права, данное обстоятельство следует оценить отрицательно. Однако, не давая такого определения, не отвечая на вопрос о том, на каких стадиях и при каком

¹⁶ Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001. С. 24. См. также: Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по состоянию на 10 мая 2008 г.). Харьков, 2008. С. 12-13.

¹⁷ Козлов А.Л. Указ. соч. С. 346.

¹⁸ Уголовный кодекс Украины. Научно-практический комментарий / Отв. ред. С.С. Яценко. Киев, 2003. С. 32-38.

обязательном субъективном факторе (при осознании возможности довести преступление до конца) возможен добровольный отказ, грузинский законодатель четко и последовательно идет к тому, чтобы сделать доступным содержание ст. 21 для потенциального субъекта добровольного отказа: «1. Лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца. 2. Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности только в том случае, если фактически совершенное им деяние является другим преступлением...» Сказанное следует дополнить еще и тем, что, не обозначая стадии совершения преступления, на которых возможен добровольный отказ, грузинский законодатель один из немногих специально оговаривает возможность добровольного отказа на стадии покушения в форме «предотвращения последствий состава преступления» (ч. 5 ст. 21). Аналогичная норма содержится и в УК Республики Узбекистан. Причем в ст. 26 этого УК возможность добровольного отказа в указанной форме, наряду с двумя другими традиционными (на стадиях приготовления и покушения), регламентируется даже более четко: «Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовительных действий либо прекращение совершения преступления, если лицо сознавало возможность окончить преступление, а также предотвращение наступления преступного результата, если лицо сознавало возможность его наступления» (ч. 1).

Можно предположить, что решение вопроса о возможности добровольного отказа на стадии так называемого «оконченного покушения» предусматривает и еще один УК - Республики Армения. Согласно ст. 36 этого УК добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом не только приготовления к преступлению либо покушения на преступление, но и «прекращение действия (бездействия), непосредственно направленного на совершение преступления». Дело, однако, в том, что последняя формулировка практически дословно повторяется армянским законодателем и при определении понятия покушения в ст. 34 «Покушение на преступление». И в

этой ситуации, если, конечно, это не издержки перевода, остается неясным, о чем идет речь в ст. 34 УК Республики Армения.

Отсутствие единообразия в описании объективных признаков добровольного отказа в рассматриваемых УК сопровождается таковым и при определении его субъективных признаков.

Прежде всего, следует отметить, что в УК Грузии, Республики Туркменистан и Эстонской Республики этот вопрос вообще обходится стороной, что можно объяснить только одним - отсутствием самого определения понятия добровольного отказа.

В большинстве УК при определении содержания субъективной стороны добровольного отказа говорится не об «осознании» возможности доведения преступления до конца (как в ст. 31 УК РФ, ст. 30 УК Азербайджанской Республики, ст. 36 УК Республики Армения, ст. 17 УК Украины, ст. 56 УК Республики Молдова), а о «сознании» такой возможности, что, как уже отмечалось выше, не совсем точно, хотя, возможно, является погрешностью перевода.

Наконец, в ст. 29 УК Кыргызской Республики в содержание субъективной стороны добровольного отказа включается осознание не только возможности доведения преступления до конца, но и реальности воплощения такой возможности в жизнь. Данную норму можно трактовать и по-другому: лицо прекращает подготовительные действия либо действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, «сознавая» (думая), что имеет возможность довести начатое преступление до конца, хотя «реально» (по-видимому, объективно) оно ее не имеет. Тогда ситуация такова, когда лицо выполнило все требования ст. 29, преступление не доведено до конца, но не вследствие добровольного отказа, а по независящим от этого лица обстоятельствам. Можно ли это обстоятельство ставить в упрек субъекту добровольного отказа со всеми вытекающими отсюда уголовно-правовыми последствиями (т. е. применять нормы о приготовлении либо о покушении на преступление)? Вряд ли, поскольку при такой постановке вопроса институт

добровольного отказа вообще теряет самостоятельное значение. Поэтому оговорка о реальности возможности доведения преступления до конца при условии осознания такой возможности представляется излишней.

Важнейшим элементом определения понятия добровольного отказа в уголовном законе является решение вопроса о его уголовно-правовых последствиях. В большинстве случаев в рассматриваемых УК такие последствия облекаются в формулировки, аналогичные предусмотренным в ст. 31 УК РФ 1996 г.: «не подлежит уголовной ответственности», «подлежит уголовной ответственности» (если в содеянном до добровольного отказа содержится иной состав преступления) (УК Грузии, Украины, Республик Армения, Казахстан, Таджикистан, Азербайджанской, Литовской, Эстонской Республик). В ряде УК слово «подлежит (не подлежит)» употребляется в других комбинациях: в ст. 15 УК Республики Беларусь, ст. 29 УК Кыргызской Республики - «не влечет уголовной ответственности», но «подлежит уголовной ответственности»; в ст. 16 УК Латвийской Республики - «не подлежит уголовной ответственности», но «несет ответственность»; в ст. 26 УК Республики Узбекистан - «исключает ответственность», но «подлежит ответственности по настоящему Кодексу».

Мы не случайно так подробно воспроизводим отражение в названных УК вопроса об уголовно-правовых последствиях добровольного отказа, ведь именно внутриотраслевая рассогласованность уголовных формулировок, нестыковка их с уголовно-процессуальным законодательством, демонстрирующим, в свою очередь, неполноту и противоречивость в рассматриваемом вопросе, зачастую создают питательную почву для дискуссий в научной литературе и приводят к неоднозначной практике процессуального оформления применения норм о добровольном отказе. Не предрешая в данном случае эту дискуссию применительно к российскому законодательству, полагаем, что наиболее ясно и определенно данный вопрос, как уже отмечалось выше, решается в ст. 56 УК Республики Молдова и ст. 70 УК Туркменистана, где речь идет об освобождении от уголовной ответственности.

Особую ситуацию, связанную с уголовно-правовыми последствиями добровольного отказа, регламентирует УК Литовской Республики, ч. 4 ст. 23 которого гласит: «В случае, если лицо пыталось добровольно отказаться от доведения преступления или уголовного проступка до конца, но его действия не привели к предотвращению деяния или его последствий, оно подлежит ответственности согласно с уголовным законом, но наказание для такого лица может быть смягчено на основании статьи 59 настоящего Кодекса». В развитие этого положения в п. 13 ч. 1 ст. 59 данного УК в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, предусматривается: «неудавшийся добровольный отказ совершить преступное деяние». И хотя перечень обстоятельств, смягчающих ответственность (наказание), во всех УК рассматриваемой группы является открытым и поэтому нет формальных препятствий для учета в этом качестве неудавшегося добровольного отказа, представляется, что позиция литовского законодателя заслуживает внедрения в российское уголовное законодательство.

Сказанное выше в основном касалось законодательной регламентации добровольного отказа в индивидуально совершаемых преступлениях. Как УК бывших союзных республик рассматривают другую, не менее важную проблему - на добровольный отказ в преступлениях, совершаемых в соучастии?

За исключением УК Эстонской Республики, вообще обходящего данную проблему стороной, все иные УК в том или ином виде предлагают ее решение. При этом в одних УК она находит свое отражение в рамках регламентации общих вопросов добровольного отказа в одной и той же статье, как это имеет место в УК РФ 1996 г. (УК Грузии, Туркменистана, Азербайджанской, Кыргызской, Литовской Республик, Республик Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан), в других - в отдельной статье, но наряду с нормативным материалом о соучастии (УК Украины, Республики Узбекистан, Латвийской Республики).

Названные различия юридико-технического свойства в отражении, в рассматриваемых УК, вопросов добровольного отказа при соучастии

дополняются различиями содержательного характера. Основное из них сводится к тому, выделяется ли фигура пособника в части условий добровольного отказа или нет. Большинство УК решают этот вопрос положительно и предъявляют к нему, как и в ст. 31 УК РФ, более мягкие требования в сравнении с теми, которые предъявляются к добровольному отказу организатора или подстрекателя. Исключение из этого «правила» представляют УК Республик Армения, Узбекистан, Кыргызской Республики, в которых к организатору, подстрекателю и пособнику предъявляются одинаковые требования, главное из которых - предотвращение доведения преступления до конца. Придерживается этого правила и грузинский законодатель, однако, с дополнительной оговоркой: «Пособник преступления также не подлежит уголовной ответственности, если до начала совершения преступления исполнителем преступления отказался от выполнения обещанных деяний либо до окончания исполнителем преступления вернул переданные для совершения преступления орудия или средства» (ч. 3 ст. 21 УК Грузии). Тем самым уголовно-правовая оценка добровольного отказа пособника приобретает более дифференцированный характер, нежели обычно.

Таким образом, подводя итог проведенному анализу отечественного и зарубежного уголовного законодательства в части регламентации добровольного отказа от доведения преступления до конца, можно сделать несколько выводов.

Независимо от системы (типа) права, в рамках которой регламентируется добровольный отказ от доведения преступления до конца, он находит свое отражение в УК практически всех зарубежных стран.

Соглашаясь с А.П. Козловым в том, что из всех вариантов отражения признаков добровольного отказа в уголовном законодательстве различных стран наиболее предпочтительным является тот, в котором они наиболее полно урегулированы¹⁹, необходимо иметь в виду и другое: характер и степень отражения теоретических представлений об институте добровольного отказа в

¹⁹ Козлов А.Л. Указ. соч. С. 348.

уголовном законе во многом предопределяется тем, кому адресован - правоприменителю или лицу, совершающему преступление, - а соответственно, и на каком языке и в каком объеме излагается нормативный материал о добровольном отказе. Не касаясь в данном случае известной дискуссии об адресатах уголовного закона, мы не ставим под сомнение мнение тех специалистов, которые в качестве таких адресатов называют и «гражданина», и правоприменителя²⁰. Именно при обращенности (адресованности) лицу, совершающему преступление, при прочих равных условиях следует ожидать более высокой эффективности данного института. Также несомненно и другое: при регламентации добровольного отказа, как и других подобных по своему социально-правовому назначению институтов уголовного права (прежде всего, деятельного раскаяния), нельзя не считаться с особенностями правоприменительной практики, складывающейся в отдельных странах.

При регламентации института добровольного отказа, при определении его легального названия и уголовно-правовых последствий следует принимать во внимание производность решения этих вопросов от решения других, более общих проблем, в частности, от определения уголовной наказуемости предварительной преступной деятельности, момента возникновения уголовной ответственности и т.п. Иной подход неизбежно будет приводить к полемике по различным основаниям в рамках рассматриваемой темы. К разрешению этих вопросов мы и обратимся.

§2. Юридическая природа добровольного отказа от преступления

²⁰ см., напр.: Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 17-28; Кропачев Н.М. Уголовная ответственность, ее основание и механизм уголовно-правового регулирования // Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 204-206.

Вопрос о названии добровольного отказа от преступления по моим данным редко становился предметом обсуждения в учебной и научной литературе. Между тем, в содержании нормативных актов уголовно-правового характера, регламентирующих добровольный отказ в разное время, речь шла не только о добровольном отказе от совершения преступления (от преступления), но и просто о «добровольном отказе», о «добровольном недоведении преступления до конца», о «добровольном отказе от доведения преступления до конца». В специальной литературе, предшествовавшей принятию Основ 1958 г., посвященной вопросам добровольного отказа, фактически речь шла о «добровольном оставлении начатой преступной деятельности»²¹, «добровольном отказе от продолжения начатого преступления»²². Это же имеет место и в современной учебной и научной литературе, базирующейся на анализе ст. 31 УК.

В юридической литературе понятие добровольного отказа обычно раскрывается через его признаки: добровольность и окончательность²³. Некоторые авторы добавляют к ним признак осознания лицом возможности доведения преступления до конца²⁴ либо признак своевременности²⁵. Эти признаки вытекают и из законодательного определения добровольного отказа.

Так, практически все авторы, освещающие вопросы юридической природы добровольного отказа, обоснованно констатируют его неотъемлемую связь с преступной деятельностью, пусть и неоконченной. Но если это так, то

²¹ См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 187.

²² См.: Тышкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 214-255; Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 160-181.

²³ См., например: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 196; Гринь М.В. Неоконченное преступление: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 164.

²⁴ См.: Лясс Н.В. Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1952. С. 13; Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 520; Редин М.П. Преступления по степени их завершенности. М., 2006. С. 60.

²⁵ См.: Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006. С. 148.

насколько вообще корректно название ст. 31 УК - «Добровольный отказ от преступления», как и название ст. 16 УК РСФСР - «Добровольный отказ от совершения преступления»? Наверное, среди законопослушного населения, обязанного в юридическом смысле соблюдать требования уголовного закона, весьма немало тех, кто хотя бы раз в жизни решал для себя извечную проблему «быть или не быть, и как быть» и добровольно, по собственной воле отказывался от решения проблемы своего жизненного бытия преступным путем, от совершения преступления. Как справедливо замечает в этой связи А.А. Тер-Акопов, в такой ситуации вообще нет оснований обсуждать, должно ли лицо отвечать за преступление, которого оно фактически не совершало²⁶. Но именно такая ситуация как раз и фиксируется в названии ст. 31 УК. Возможно, поэтому, чувствуя уязвимость подобной формулировки, в дальнейшем А.А. Тер-Акопов апеллирует к другому значению слова «отказаться»: «перестать продолжать что-либо». По его мнению, именно с этим значением и связано «юридическое понятие добровольного отказа от совершения преступления. О таком отказе можно говорить только тогда, когда налицо определенные действия, уже выполненные кем-то «на пути» к совершению преступления. Лишь в этих условиях вопрос об исключении уголовной ответственности приобретает практическое значение»²⁷. Можно предположить, что, по мысли автора, путь к совершению преступления в данном случае - это тоже преступный путь, иное противоречило бы его собственным рассуждениям, когда он отвечает на вопрос о том, «когда приемлем добровольный отказ от совершения преступления»²⁸. Однако, если это так, то насколько юридически корректно говорить здесь об исключении уголовной ответственности?

Оставаясь в рамках дискуссии о значении слова «отказаться» применительно к формулировке «добровольный отказ от преступления», оставим пока без ответа поставленный вопрос и воспроизведем другую трактовку добровольного отказа.

²⁶ Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. М., 1982. С. 18.

²⁷ Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. М., 1982. С. 19.

²⁸ Там же. С. 38-48.

А.В. Наумов пишет: «У лица, начавшего совершение преступления, но не завершившего его до конца, сохраняется возможность отказаться от совершения преступления и не быть подвергнутым уголовной ответственности и наказанию»²⁹. Но как можно, начав совершать что-то, сделав на этом «пути» что-то (заметим - уже преступное), отказаться от совершения этого «чего-то»? Если такое возможно, то оно словесно обозначается по-другому: применительно к рассматриваемому вопросу речь должна идти об отказе не от совершения преступления, а от доведения преступления до конца.

Рассуждая о терминологии, призванной обозначить суть добровольного отказа, нельзя обойти вниманием еще один аспект рассматриваемой проблемы.

Совершенно очевидно, что начатая, но не оконченная по воле лица преступная деятельность, может иметь место либо в пределах приготовления к совершению преступления, при условии его уголовной наказуемости (ч. 2 ст. 30 УК), либо в пределах покушения на преступление, т. е. совершения умышленных действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления (другими словами, в рамках выполнения объективной стороны состава преступления). Как с этой точки зрения относиться к встречающимся порой в литературе формулировкам «добровольный отказ от приготовления», «добровольный отказ от покушения»³⁰? На мой взгляд, отрицательно. Но не потому, что таким образом отождествляются стадия совершения преступления и вынужденно прерванное неоконченное преступление, как считает Н.Ф. Кузнецова³¹, а потому, что понятие стадии совершения преступлений как раз и предполагает такую вынужденность. Нельзя добровольно отказаться от того, что в самом законе

²⁹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 283. См. также: Он же. Российское уголовное право. Курс лекций: В 3 т. Т. 1. Общая часть. М., 2007. С. 440.

³⁰ В свое время в Курсе советского уголовного права под редакцией А.А. Пионтковского такая терминология присутствовала даже в названии отдельного параграфа (см.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. Преступление / Под ред. А.А. Пионтковского. М., 1970. С. 432.

³¹ Кузнецова Н.Ф. Неоконченное преступление // Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2003. С. 274.

связывается с недобровольностью. Вместе с тем уже практически общепринятыми стали в литературе суждения о возможности либо невозможности добровольного отказа на этих стадиях. Например, наиболее острым здесь является давно обсуждаемый вопрос: возможен ли добровольный отказ на стадии оконченного покушения? Правда, по мнению Б.В. Волженкина, и такого рода суждения не допустимы, поскольку, как отмечает ученый, «приготовление и покушение, согласно закону, являются видами неоконченного преступления по обстоятельствам, независящим от виновного лица. Если имел место добровольный отказ, то не было ни приготовления, ни покушения». Представляется, что это замечание в рассматриваемом контексте все-таки не носит принципиального характера и для того, чтобы не говорить о возможности добровольного отказа на стадии, например, умышленного создания условий для совершения преступления с перечислением тех форм, которые называются в ч. 1 ст. 30 УК, вполне допустимо употребление словосочетания «добровольный отказ на стадии приготовления»⁴⁵.

Вопросам семантики, терминологии, формулировкам, за которыми скрываются сущность и уголовно-правовое содержание добровольного отказа, не стоило бы уделять столько внимания, если бы помимо необходимости соблюдения должной юридической корректности в сфере уголовно-правового регулирования они не имели еще и практического значения. Последнее, с точки зрения интересов потенциальных субъектов добровольного отказа, заключается в его уголовно-правовых последствиях.

Согласно ч. 2 ст. 31 УК лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца. Ни в материальном, ни в процессуальном уголовном законодательстве значение формулировки «не подлежит уголовной ответственности» не раскрывается. В литературе же в этой связи в подавляющем числе случаев увязка добровольного отказа с начатой, но не оконченной преступной деятельностью сопровождается выводом об

исключении в такой ситуации уголовной ответственности за содеянное до добровольного отказа³².

В этой связи, например, А.А. Герцензон говорил о том, что при добровольном отказе общественная опасность субъекта имеет место, хотя и в меньшей степени³³. Т.Л. Сергеева и П.Ф. Гришанин полагали, что основанием для исключения уголовной ответственности при добровольном отказе выступали, прежде всего, интересы предотвращения преступлений³⁴. А.А. Пионтковский признавал добровольный отказ «обстоятельством, устраняющим уголовную ответственность за совершенную предварительную преступную деятельность» в связи с отсутствием общественной опасности лица, совершившего «покушение или приготовление», и отпадением в этой связи общественной опасности того и другого³⁵. И.И. Слуцкий также предлагал рассматривать добровольный отказ в числе обстоятельств, устраняющих общественную опасность деяния, что, возможно, объяснялось структурой и соответствующим содержанием действовавшего в то время уголовного законодательства³⁶.

Может быть, более определенно, хотя и не менее противоречиво, вопрос о правовых последствиях добровольного отказа, объединенный с вопросом устранения вреда, освещал Н.Д. Дурманов в специальной работе о стадиях совершения преступления. Он обосновывал свою точку зрения отсутствием в действиях лица, добровольно отказавшегося от совершения преступления, «основного материального признака преступления - общественной опасности деяния и лица». В этой связи делался вывод о том, что добровольный отказ

³² См.: Баймакова Н. Место добровольного отказа от преступления в УК РФ // Мировой судья. 2009. № 4. С. 24.

³³ Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. С. 358.

³⁴ Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. - М., 1950. С. 151; Гришанин П.Ф. Нормы уголовного закона о стадиях совершения преступления в свете задач предотвращения и предупреждения преступлений // Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. М., 1967. С. 81.

³⁵ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. Преступление / Под ред. А.А. Пионтковского. М., 1970. С. 432.

³⁶ Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 11-12.

исключает не только наказуемость совершенных общественно опасных действий, но и их преступность. Если же наличие добровольного отказа констатировалось при постановлении приговора, суд выносил оправдательный приговор. При этом в свете приведенных суждений почему-то неудавшийся добровольный отказ, по мысли автора, должен был рассматриваться лишь в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность³⁷. Без ответа здесь оставался и основной вопрос: каким образом происходила утрата общественной опасности деяния, совершенного до добровольного отказа, и как такое деяние, будучи изначально уголовно-противоправным, переставало быть таковым?

Таким образом, ученые 50-70-х гг. прошлого столетия вольно или невольно подменяли вопрос об уголовно-правовых последствиях добровольного отказа вопросом о причинах прекращения уголовного преследования в такой ситуации. Одним из первых на это противоречие в свое время обратил внимание К.А. Панько. Апеллируя к содержанию ст. 16 УК РСФСР 1960 г. о добровольном отказе, автор логически правильно рассуждал о том, что если в качестве основания уголовной ответственности выступает состав преступления, то основанием ее исключения является отсутствие состава преступления³⁸. Считать основанием освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе интересы предупреждения преступлений, равно как и уменьшение либо утрату общественной опасности деяния и лица в этой ситуации, - значит ставить знак равенства между задачами (целями), стоящими перед уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, и основаниями, по которым допускается освобождение от уголовной ответственности³⁹. Тем не менее, даже оставляя без внимания в данном случае дискуссию об основаниях уголовной ответственности, нельзя не заметить, что автор совершал другую ошибку: отождествлял понятия исключения уголовной ответственности и освобождения от нее, фактически

³⁷ Дурманов Н.Д. Указ. соч. С. 189-205.

³⁸ Тарханов И.А. Добровольный отказ: юридическая природа и правовое регулирование его последствий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2008. С. 186.

³⁹ Панько К.А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву. Воронеж, 1975. С. 15-18.

используя их как равнозначные. Проводимые же в этой связи К.А. Панько различия между ст. 16 и ст. 50-52 УК РСФСР, а также нормативным материалом о необходимой обороне и крайней необходимости, убеждали читателя скорее в том, что уголовно-правовым последствием добровольного отказа выступает именно освобождение от уголовной ответственности, а не ее исключение.

Показательной представляется и позиция А.И. Орловой, уделившей специальное внимание рассматриваемому вопросу в одном из последних диссертационных исследований добровольного отказа. По мнению автора, особая правовая природа добровольного отказа влечет уголовно-правовые последствия в виде непривлечения к уголовной ответственности; сущность их состоит, с одной стороны, в констатации отсутствия оснований для привлечения к уголовной ответственности, а с другой - в учете при характеристике личности виновного факта наличия его умышленной вины до момента добровольного отказа в случае привлечения к уголовной ответственности за совершение им другого преступления⁴⁰.

В чем же состоит различие между неоконченным преступлением, предшествовавшим акту добровольного отказа, и неоконченным преступлением в виде приготовления и покушения? И не лишено ли оснований высказанное в свое время В.А. Елеонским мнение о том, что в случае добровольного отказа лицо освобождается от уголовной ответственности за деяние, совершенное до него? Это деяние само по себе уже является преступным и поэтому исключение уголовной ответственности невозможно⁴¹. Столь же определенно по этому поводу высказывается С.Г. Келина: юридическая природа добровольного отказа такова, что в действиях лица,

⁴⁰ Орлова А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 7.

⁴¹ Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск, 1984. С. 147. См. также: Звечаровский Н.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. Иркутск, 1993. С. 108-109; Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Р. Сундурова. Казань, 2003. С. 269; Ситникова А.И. Указ. соч. С. 77.

совершенных до него, есть состав неоконченного преступления, а потому нецелесообразность принудительного исправления лица уголовно-правовыми средствами в данном случае влечет именно освобождение от уголовной ответственности, но не ее исключение⁴².

С точки зрения действующего уголовного законодательства уместно констатировать два обстоятельства. Во-первых, уголовно-противоправной и наказуемой является не только оконченная, но и неоконченная преступная деятельность. Во-вторых, различие между неоконченным преступлением, предшествовавшим добровольному отказу от дальнейшего его продолжения (от доведения его до конца), и неоконченным преступлением в виде приготовления и покушения состоит не в уголовно-правовых последствиях, которые законодатель в первом случае четко не определил, «скрыв» их за формулировкой «не подлежит уголовной ответственности», не в отсутствии или наличии признаков состава неоконченного преступления, а в характере причины недоведения преступления до конца. Способен ли характер такой причины, причины сугубо субъективного порядка (по воле лица, совершающего преступление, либо помимо его воли) влиять объективно на то, что уже совершено? Вряд ли. Это обстоятельство, не исключая уже содеянное из сферы уголовно-правового реагирования, может влиять лишь на характер и объем такого реагирования. При иной постановке вопроса неудавшийся добровольный отказ, завершившийся, например, наступлением преступных последствий, также должен влечь за собой ни что иное, как исключение уголовной ответственности. Критикуемая нами позиция относительно правовых последствий добровольного отказа не только не основана на законе, она ему противоречит. Законодатель отказывается от уголовного преследования при добровольном отказе не потому, что в содеянном нет признаков состава неоконченного преступления: он тем самым стимулирует, поощряет

⁴² Келина С.Т. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. М., 2003. С. 463-464.

позитивное поведение лица, начавшего преступное посягательство⁴³. Здесь уголовный закон реагирует уже на посткриминальное поведение. Поэтому с юридической точки зрения акт может выражаться максимум в освобождении от уголовной ответственности. Этот акт, как бы мы его ни трактовали - либо в качестве способа решения законодателем возникшей коллизии интересов, либо как своеобразный компромисс в сфере уголовно-правового регулирования, - не может рассматриваться как исключение уголовной ответственности, что предлагает А.И. Тарханов⁴⁴. Исключая уголовную ответственность за деяние, совершенное до добровольного отказа, мы прежде должны в УК объявить такое деяние непроступным. А это, по словам самого же автора, прерогатива только законодателя⁴⁵. Реакция уголовного закона на деяние, совершенное до добровольного отказа, исходя из целесообразности, может включать спектр иных, более жестких уголовно-правовых последствий - смягчение наказания при его назначении, освобождение от наказания. Наглядным примером такой поливариантности, на наш взгляд, является изменение уголовно-правовых последствий изменения обстановки Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. Следует также отметить, что по УК Китайской Народной Республики в редакции 1997 г. добровольный отказ может выступать основанием либо освобождения от наказания, либо назначения наказания ниже низшего предела (ст. 23)⁴⁶. К слову сказать, несмотря на отсутствие в уголовном законе прямой регламентации неудавшегося добровольного отказа, нет никаких формальных препятствий для того, чтобы рассматривать его в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, в рамках ст. 61 УК РФ.

При решении вопроса о правовых последствиях добровольного отказа нельзя игнорировать и еще одно обстоятельство принципиального характера. Фактическое признание добровольного отказа обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, а соответственно, и обстоятельством,

⁴³ См.: Русинов Г.Б. Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Р. Сундунова. М., 2005. С. 269.

⁴⁴ Тарханов А.И. Указ. соч. С. 188.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001. С. 25.

исключающим преступность содеянного до добровольного отказа, влечет за собой совершенно определенные юридически значимые последствия. При том, что обстоятельства, исключаящие преступность деяния (ст. 37-42 УК), и обстоятельства, влекущие освобождение от уголовной ответственности (в частности, предусмотренные ст. 75, 76, 78 УК), входят в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (п. 5, 7 ч. 1 ст. 73 УПК), только обстоятельства первой группы влекут за собой прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям. Следовательно, и добровольный отказ должен подпадать под эти основания. Таким образом, по моему мнению, в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо отдельно регламентировать данное обстоятельство либо в ст. 24 УПК в числе оснований отказа в возбуждении уголовного дела (считая добровольный отказ обстоятельством, исключаящим уголовную ответственность)⁴⁷, либо по аналогии со ст. 25 УПК («Прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим») или ст. 28 УПК («Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием») (считая добровольный отказ обстоятельством, влекущим освобождение от уголовной ответственности). Оставлять данный вопрос в состоянии теоретической неопределенности - значит заведомо снижать стимулирующий эффект ст. 31 УК, а также создавать питательную почву для возможных злоупотреблений со стороны органов, применяющих уголовный закон, когда добровольный отказ может быть использован для сокрытия от учета неоконченных преступлений⁴⁸.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать ряд теоретических выводов. Так, социально-правовое назначение добровольного отказа от доведения преступления до конца следует усматривать не в его уголовно-правовых последствиях, а в стимулировании уголовно-правовыми средствами прекращения действий по созданию условий для совершения преступления, а

⁴⁷ Питецкий В.В. Применение нормы о добровольном отказе от совершения преступления // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 14.

⁴⁸ Питецкий В.В. Применение нормы о добровольном отказе от совершения преступления // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 15.

также действий (бездействия), непосредственно направленных на его совершение.

В качестве стимулов добровольного отказа от доведения преступления до конца (его уголовно-правовых последствий) следует рассматривать: в случае его успешности - освобождение от уголовной ответственности со всеми вытекающими отсюда иными правовыми последствиями; в случае безуспешности - возможное смягчение уголовного наказания.

Н.Г. Иванов даже более определенно говорит на этот счет: «Положения ст. 31 УК РФ относятся к числу поощрительных норм уголовного законодательства, являясь важным стимулом для прекращения преступных посягательств по инициативе злоумышленника. Эта важная норма... поощряет лицо на позитивное поведение, предлагая взамен освобождение его от бремени несения уголовной ответственности»⁴⁹.

Глава 2. Условия правомерности добровольного отказа от преступления и его место в системе институтов уголовного права

§ 1. Условия правомерности добровольного отказа от преступления и проблемы его законодательной регламентации

Юридическая характеристика добровольного отказа в теории уголовного права обычно осуществляется путем выделения объективно-субъективных признаков («критериев»), его характеризующих. Лишь в одном из источников обнаружен иной подход к данному вопросу, когда под названием «признаки добровольного отказа от преступления» фактически понимаются основания и

⁴⁹ См.: Иванов Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов. М, 2003. С. 253.

условия добровольного отказа⁵⁰. Казалось бы, отмеченное расхождение не имеет принципиального значения. Между тем рассуждения о признаках добровольного отказа практически всегда сводятся к определению лишь традиционных параметров такого отказа: его добровольности, мотивов, окончательности, осознания возможности доведения преступления до конца. Наверное, для учебной литературы такой информации было бы достаточно и не важно было бы, как обозначаются эти параметры - «признаки», «критерии», «основания» или «условия». Нельзя, однако, не заметить, что здесь добровольный отказ рассматривается уже как нечто данное, имеющее уголовно-правовое значение, при этом вопрос об его предпосылках, основаниях либо вообще остается без внимания, либо освещается путем безапелляционных констатации отсутствия состава преступления в деянии, совершенном до добровольного отказа, непреступности такого деяния. Обращая внимание на это обстоятельство, Г.Б. Русинов справедливо пишет, что необходимость указания на основание добровольного отказа - наличие в действиях лица, совершенных до него, признаков преступления - при его характеристике обусловлена тем, что уголовная ответственность может наступать только за конкретное общественно опасное и уголовно противоправное деяние. «При отсутствии такового нет основания для обсуждения вопроса об освобождении от уголовной ответственности и, соответственно, предмета правового регулирования добровольного отказа, так как отсутствует внешнее выражение преступного намерения субъекта»⁵¹.

Лицо, преступившее черту уголовного закона, в силу различного рода обстоятельств может не довести начатое преступление до того момента, с

⁵⁰ См. об этом: Русинов Г.Б. Указ. соч. С. 270-272. Наряду с этим, Т.Г. Понятовская оперирует словом «условия», говоря о добровольности, своевременности и окончательности как условиях отказа от преступления; Понятовская Т.Г. Стадии совершения преступления // Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. 1: Преступление и наказание / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 569-572). Об условиях освобождения от уголовной ответственности по ст. 31 УК, об условиях добровольного отказа говорит А.М. Яковлев (Яковлев А.М. Стадии совершения преступления // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. С. 253-255).

⁵¹ Русинов Г.Б. Указ. соч. С. 270.

которым закон связывает его юридическое окончание, а соответственно, и уголовную ответственность за него. Недоведение преступления до конца может быть обусловлено либо тем, что лицо еще не совершило всех действий (бездействия) по реализации преступного намерения, либо тем, что, совершив их, оно не получило одномоментного с их совершением преступного результата. И та, и другая ситуация может вызываться к жизни как обстоятельствами, независимыми от лица, так и по его собственной воле, т. е. добровольно. Именно последний вариант подпадает под признаки отказа, предусмотренного ст. 31 УК РФ⁵².

При трактовке добровольности отказа от доведения преступления до конца обратим внимание на два обстоятельства: на то, как трактуется данное условие в комментариях уголовного закона, и на то, как оно отражается в последнем⁵³.

Из двух слов, образующих слово «добровольный» - «добрая» и «воля», - акцент должен делаться все-таки на последнем слове, поскольку воля может быть и «недоброй», обусловленной элементарным страхом перед возможностью изобличения в содеянном, перед наказанием, боязнью мести и т. п. Поэтому далеко не всегда проявление собственной воли в оставлении начатого преступления сопровождается «существенным изменением ее социальной насыщенности»: изначально сформированный мотив преступления из социально порицаемого трансформируется, перерастает в нейтральный или социально поощряемый, как полагает Г.Б. Русинов⁵⁴. Скорее, наоборот - в реальной жизни последний является исключением, а не первые (социально осуждаемые или нейтральные), и воля лица, выраженная в отказе от доведения преступления до конца, далеко не всегда означает стремление к исправлению, как опять же считает автор⁵⁵. Этого не требует и уголовный закон, поскольку

⁵² Питецкий В.В. Применение нормы о добровольном отказе от совершения преступления // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 14.

⁵³ См.: Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2005. С. 115.

⁵⁴ Русинов Г.Б. Указ. соч. С. 274.

⁵⁵ Там же. С. 275.

для него, говоря словами К.А. Панько, все мотивы равны в том смысле, что «они приводят к отказу от совершения преступления»⁵⁶. И своеобразным отголоском именно такого понимания добровольности как раз и выступает положение о том, что мотивы добровольного отказа уголовно-правового значения не имеют. Нередко характеристика признака добровольности отказа в смысле ст. 31 УК РФ начинается прямо с рассуждений о мотивах такого отказа, полностью подменяя трактовку добровольности⁵⁷.

Вместе с тем по поводу приведенного положения необходимо сделать три оговорки: 1) уголовно-правового значения не имеют мотивы не только добровольного отказа, но и по сути любой из форм деятельного раскаяния, если же говорить более обще - любого проявления положительного посткриминального поведения личности;

2) уголовно-правового значения не имеют мотивы лишь успешного добровольного отказа, потому что при оценке неуспешного (неудавшегося) добровольного отказа на стадии назначения наказания может иметь место ситуация, при которой, например, мотив боязни мести, страха перед наказанием может быть учтен в негативном плане при характеристике личности подсудимого. И это касается не только исполнителя, но и других возможных соучастников преступления. И отчасти правовым основанием для такого учета мотивов добровольного отказа может выступать п. 5 ст. 31 УК РФ. Поэтому не бесспорно, в частности, высказанное в свое время суждение Н.Д. Дурманова о том, что по нормам отечественного уголовного права мотивы добровольного отказа не имеют существенного значения для его юридических последствий⁵⁸;

3) вывод о соблюдении условий правомерности добровольного отказа возможен лишь при исследовании мотивов такого отказа в процессе правоприменения и только в этой связи может быть подтверждена, например, его окончательность. Отказ от доведения преступления до конца, вызванный,

⁵⁶ Панько К.А. Указ. соч. С. 9.

⁵⁷ См., напр.: Российское уголовное право: Учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 232-234).

⁵⁸ Дурманов Н.Д. Указ. соч. С.195.

например, мотивом боязни быть задержанным, также может быть оценен неоднозначно. Такой отказ будет признан добровольным, если отсутствовала реальная угроза задержания. В том же случае, когда лицо отказывается от доведения преступления до конца, осознавая реальность и неизбежность задержания, отказ следует считать не добровольным, а вынужденным. Здесь показателен такой пример: 16-летний А. и ранее судимый 25-летний Б. с целью совершения кражи проникли в чужую квартиру, которая находилась в многоквартирном доме на третьем этаже. В тот момент, когда они укладывали похищенное имущество в сумки, в приоткрытую дверь квартиры зашел сосед, увидев которого, Б., ни слова не говоря А., нанес соседу смертельное ножевое ранение. Оставаясь по-прежнему в квартире, преступники прикрыли дверь, убрали труп под кровать и, посоветовавшись в течение 15 минут, оставив похищенное, скрылись с места преступления. С учетом того, что в данной ситуации отсутствовала реальная угроза задержания, по обстоятельствам дела А. и Б. осознавали возможность довести начатую кражу до конца, суд признал их действия добровольным отказом от доведения кражи до конца, осудив за убийство⁵⁹.

Предваряя вопрос о том, как условие добровольности отказа от доведения преступления до конца отражается в уголовном законе, обратим внимание еще на одно четко выраженное в ч. 1 ст. 31 УК требование к такому отказу: он признается правомерным лишь тогда, когда лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

Буквальное толкование приведенной формулировки, на мой взгляд, дает основание для однозначного вывода о том, что законодатель, говоря о добровольности отказа в совокупности с требованием (условием) осознания возможности доведения преступления до конца, ставит во главу угла именно субъективное восприятие лицом ситуации. А если это так, то такое восприятие вполне может и не совпадать (отражать) с объективным содержанием ситуации, в которой происходит акт добровольного отказа. Заметим, что российский

⁵⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 26.

законодатель, воспроизводя эту формулу, не дополняет ее другой, известной некоторым зарубежным УК. Как уже отмечалось ранее, например, в ст. 29 УК Кыргызской Республики в содержание субъективной стороны добровольного отказа включается осознание не только возможности доведения преступления до конца, но и факта реальности воплощения в жизнь такой возможности («сознавало и имело реальную возможность доведения преступления до конца»).

Между тем в целом ряде комментариев ст. 31 УК РФ в учебной и научной литературе рассматриваемое условие правомерности добровольного отказа толкуется расширительно. Так, еще в одном из первых комментариев УК РФ 1996 г. при характеристике этого «признака» добровольного отказа акцент делается на «сознание виновным фактической (курсив наш) возможности успешно продолжить или завершить начатое преступление»⁶⁰.

Можно согласиться с Н.Г. Ивановым в том, что добровольный отказ является таковым, когда «субъект прекращает преступную деятельность по собственной воле, сознавая при этом, что продолжение преступления в данной ситуации объективно возможно»⁶¹. Но лишь с оговоркой: «в его субъективном восприятии». Безоговорочное же требование автора о «сознании реальной возможности доведения преступления до конца»⁶² и нереально, и противоречит уголовному закону. Как справедливо пишет Б.С. Волков, лицо «не может добровольно отказаться от того, что оно, по его мнению, не может достичь, равно как и стремиться к тому, что фактически недостижимо и невозможно»⁶³. Воспроизводя это суждение, Г.Б. Русинов резонно замечает: здесь важно установить только то, что умыслом субъекта охватывалась возможность

⁶⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 76.

⁶¹ Иванов Н.Г. Уголовное право Российской Федерации: Общая и Особенная части. М., 2000. С. 170.

⁶² Иванов Н.Г. Указ. соч. С. 171.

⁶³ Волков Б.С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань, 1982. С. 102.

доведения преступления до конца, но он, изменив первоначальное намерение, добровольно прекратил преступные действия⁶⁴.

Согласна с позицией Т.Г. Понятовской, которая утверждает что критерий добровольности является психологическим, он зависит от субъективного восприятия и оценки ситуации лицом, а потому наличие объективных препятствий к продолжению преступной деятельности, возникших помимо воли лица и не осознаваемых им, для признания отказа от преступления добровольным значения не имеет⁶⁵.

В свете приведенной характеристики условий правомерности добровольного отказа, предусмотренных в ч. 1 ст. 31 УК, показательное решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Беймана и др., которое нередко приводится в качестве примера добровольного отказа в учебной литературе⁶⁶. Судебная коллегия прекратила дело за отсутствием в действиях обвиняемых состава, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 166 УК, ввиду добровольного отказа от доведения данного преступления до конца, указав следующее. Бейман и др. пришли в квартиру к К., где по предварительному сговору, угрожая расправой, избили руками, ногами и сигнальным пистолетом К.В. и К.А., повалив на пол знакомого хозяев квартиры, потребовали деньги, золото, а также ключи от автомобиля с целью его угона. Однако К.А. при этом заявил, что ключи и документы от автомобиля находятся у его жены, которой нет дома, хотя они были у него в пиджаке. Поверив ему, нападавшие ключами не завладели, и в целях хищения чужого имущества стали искать в шкафах ценные вещи и деньги. К.А. схватил для обороны нож и стал им угрожать. Испугавшись они убежали. Судебная коллегия исходила из того, что действий, непосредственно направленных на угон автомобиля, осужденные не совершали. Автомобиль находился не рядом с домом К.А., и туда они не ходили. Ничто не мешало им обыскать карманы потерпевшего и завладеть

⁶⁴ Русинов Г.Б. Указ. соч. С. 271.

⁶⁵ Понятовская Т.Г. Указ. соч. С. 570. Об этом см. также: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2006. С. 57.

⁶⁶ См., напр.: Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. С. 241.

ключами от автомобиля. Даже отсутствие ключей не мешало совершить его угон, используя иные средства и способы, но никаких действий к этому они не предприняли⁶⁷. Сомнительность принятого решения, на наш взгляд, обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, неясно, почему Судебная коллегия, не усматривая в действиях виновных лиц признаков покушения на преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 166 УК РФ, не признала наличия четко выраженных приготовительных действий к этому преступлению, которые, в свою очередь, уголовно наказуемы с точки зрения ч. 1, 2 ст. 30 УК. Во-вторых - и это главное, - в совокупности приведенных обстоятельств признак добровольности вообще не просматривается, поскольку в процессе разбойного нападения, имевшего изначально в том числе и цель неправомерного завладения автомобилем, было требование о передаче ключей от него, которое осталось не реализованным лишь потому, что ключей у потерпевшего, хотя и только с его слов, не оказалось, т. е. по причине, независимой от воли виновных лиц (ст. 30 УК). В этой ситуации вряд ли обоснованно делать вывод о добровольности отказа от доведения преступления до конца на том основании, что они «поверили потерпевшему» и никаких иных действий более не совершили. Этого, по моему мнению, и не требовалось, поскольку, «поверив потерпевшему», виновные осознали невозможность доведения начатого преступления до конца, и только этим был продиктован их отказ от угона, развитие же другого преступления при этом продолжалось вплоть до возникновения другой преграды - оборонительных действий К.А.

А теперь следует проанализировать условия правомерности добровольного отражающиеся в уголовном законе.

С проведением отграничения добровольного отказа от приготовления к преступлению и покушения на преступление по характеру причины недоведения преступления до конца нельзя не обратить внимание на различный подход законодателя к описанию самой этой причины. В одном случае - в ч. 1, 3 ст. 30 УК - речь идет о независимых от лица обстоятельствах, а в другом - в ч.

⁶⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3. С. 11.

1 ст. 31 УК при определении понятия добровольного отказа - эта причина, строго говоря, вообще не описывается; в других же частях этой статьи говорится о добровольном отказе от доведения преступления до конца. К сказанному следует добавить и то, что само определение понятия добровольного отказа применительно к стадии покушения увязывается не с недоедением преступления до конца, а с прекращением действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления. Именно это обстоятельство помимо прочего используется в качестве аргумента для обоснования недопустимости добровольного отказа на стадии оконченного покушения. Основываясь на содержании ч. 1 ст. 31 УК РФ, Е.В. Благов утверждает, что сущность добровольного отказа заключается в прекращении лицом соответствующих действий (бездействия). Действия же лица по предотвращению преступных последствий и их результативность - это сфера проявления обстоятельств, не только зависящих, но и независящих от него. А потому в этом случае нет оснований для применения ст. 31 УК⁶⁸.

Так, может быть, законодателю следовало бы сначала унифицировать описание причины недоедения преступления до конца в ст. 30, 31 УК РФ, а затем четко указать на нее при определении понятия добровольного отказа? Например, вместо формулировки «по независящим от этого лица обстоятельствам» использовать в ч. 1, 3 ст. 30 УК РФ формулировку «помимо воли этого лица», соответственно, дополнив ч. 1 ст. 31 УК РФ словами «по собственной воле» («прекращение лицом по собственной воле приготовления к преступлению»). Дело, однако, в том, что законодатель, как представляется, допускает еще одну неточность при определении понятия добровольного отказа в ч. 1 ст. 31 УК: использует здесь понятие приготовления к преступлению, которое в свою очередь, определяется в ч. 1 ст. 31 УК через причину недоедения до конца, диаметрально противоположную добровольному отказу⁶⁹. Поэтому

⁶⁸ См.: Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 176-177.

⁶⁹ На это обстоятельство уже обращалось внимание в теории уголовного права (в современной литературе см., напр.: Козлов А.Л. Указ. соч. С. 313-317; Орлова А.М. Указ.

при законодательном определении понятия добровольного отказа в ч. 1 ст. 31 УК РФ целесообразно отказаться от употребления понятия приготовления к преступлению и говорить о прекращении лицом действий, направленных на умышленное создание условий для совершения преступления. В этой связи с сохранением предусмотренного законом требования об осознании субъектом добровольного отказа возможности доведения преступления до конца, на мой взгляд, отпадает и необходимость дополнения словосочетания «прекращение лицом действий» словами «по собственной воле».

Указывая на умышленное создание условий в приведенной формулировке, мы следуем за определением понятия приготовления, предложенным в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Между тем применительно к определению понятия добровольного отказа эту характеристику, как нам представляется, следует связывать не с созданием условий, а с действиями, направленными на него. Только умышленные действия могут быть в реальной действительности на что-то направлены, а создавать условия для совершения преступления (умышленного и неосторожного) можно и по неосторожности, и умышленно. Неслучайно предложенная конструкция находит применение и при определении понятия покушения на преступление в ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Вместе с тем, помимо анализа вопроса об условиях правомерности добровольного отказа, связанного с добровольностью и осознанием возможности доведения преступления до конца - условиями, предусмотренными законодателем непосредственно при определении понятия добровольного отказа (ч. 1 ст. 31 УК), - в норме, адресованной субъекту такого отказа, содержится еще одно требование: отказ должен быть не только добровольным, но и окончательным (ч. 2 ст. 31 УК).

соч. С. 10). Хотя, по мнению Б.В. Волженкина, слово «приготовление» используется в ч. 1 ст. 31 УК в смысле обозначения не вида неоконченного преступления, а подготовительной стадии совершения преступления (см.: Указ. соч. С. 550).

Одни специалисты говорят в этой связи об окончательности отказа от доведения начатого преступления до конца⁷⁰, то другие вдобавок требуют от субъекта отказаться от преступления с исключением намерения совершить его в будущем⁷¹, отказаться навсегда, «отвергая в своем сознании любую возможность когда-либо возобновить прерванное преступление⁷²». И хотя приводимые в этой связи в литературе примеры в общем-то одинаковы по своей сути, принципиально важно уточнение: окончательность отказа распространяется только на начатое преступление, а не на последующие преступные деяния⁷³, даже, заметим, подпадающие под признаки одного и того же состава.

В ряде комментариев ст. 31 УК характеристика признака окончательности добровольного отказа включает дополнительное требование: такой отказ должен быть не только окончательным, но и безусловным. Следует, однако, отметить, что излагается данное требование в различных источниках по-разному. Так, в одном из них говорится, что «отказ должен быть окончательным (безусловным)», и далее раскрывается содержание только признака окончательности, из чего можно сделать вывод о синонимичности рассматриваемых признаков⁷⁴. В другом - речь идет о безусловности добровольного отказа наряду с его самостоятельностью, однако значение первого признака при этом никак не раскрывается⁷⁵. И лишь в двух источниках обнаружена более или менее содержательная характеристика требования безусловности добровольного отказа: лицо, прекращая преступную деятельность, не должно оговаривать ее прекращение каким-либо условием.

⁷⁰ См., напр.: Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 241.

⁷¹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов/ Под ред. А.И. Рарога, А.С. Самойлова. М., 2005. С. 251.

⁷² См.: Иванов Н.Г. Указ. соч. С. 254.

⁷³ См.: Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Л.В. Ино-гамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2003. С. 274.

⁷⁴ Волженкин Б.В. Добровольный отказ от преступления // Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 548.

⁷⁵ Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М., 2005. С. 84.

Если, например, преступник, начав посягательство, прекращает его, добившись от потерпевшего согласия удовлетворить то или иное его требование, то такой отказ не должен признаваться добровольным⁷⁶. И как продолжает в этой связи А.А. Тер-Акопов, единственным условием, на которое может рассчитывать потенциальный субъект добровольного отказа, «является установленная законом гарантия: если он действительно добровольно откажется от доведения преступления до конца, то ему обеспечивается освобождение от уголовной ответственности за данное (неоконченное) преступление»⁷⁷.

С учетом приведенных выше корректировок и, во-первых, оставаясь в рамках «постадийной» (поэтапной) регламентации добровольного отказа, использованной в действующем УК РФ, а во-вторых, не предрешая на данном этапе исследования вопроса о возможности добровольного отказа на стадии оконченного покушения и его законодательного отражения, отметим, что нормативный материал ч. 1 и ч. 2 ст. 31 УК РФ мог бы быть заменен нормативным материалом следующего содержания:

«Статья 31. Добровольный отказ от доведения преступления до конца

1. Лицо освобождается от уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно, окончательно и без каких-либо требований отказалось от доведения этого преступления до конца.

2. Добровольным отказом от доведения преступления до конца, при условии осознания лицом возможности его окончить, признается:

а) прекращение лицом умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступления, если оно уголовно наказуемо согласно ст. 30 настоящего Кодекса;

б) прекращение лицом умышленных действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления».

Наряду с рассмотренными условиями правомерности добровольного отказа, в специальной литературе к их числу (к числу обязательных признаков

⁷⁶ Иванов Н.Г. Уголовное право Российской Федерации: Общая и Особенная части. М., 2000. С. 170.

⁷⁷ Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. М. 2002. С. 18.

такого отказа) порой относят требование об отсутствии «в фактически совершенном деянии иного состава преступления» (ч. 3 ст. 31 УК). В этой связи Г.Б. Русинов справедливо обращает внимание на то, что добровольный отказ и признаки, его характеризующие, не связаны с названным требованием. Здесь речь идет об уголовно-правовой оценке уже другого деяния - не того, в отношении которого добровольный отказ осуществлен. По большому счету, без этого положения в ст. 31 УК можно было бы и обойтись⁷⁸. Существующее же законодательное решение можно оправдать, пожалуй, только интересами правоприменения и, в первую очередь, интересами потенциального субъекта добровольного отказа, который должен иметь максимально полную и доступную информацию об уголовно-правовом регулировании ситуации, связанной с добровольным отказом, если, конечно, мы действительно заинтересованы в его позитивной реакции на ст. 31 УК. Поэтому с учетом данного обстоятельства, а также в контексте приведенных ранее суждений об основаниях (предпосылках) добровольного отказа, представляется целесообразным внести редакционные изменения и дополнения еще и в ч. 3 ст. 31 УК, изложив ее в следующей редакции:

«3. Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если содеянное им до добровольного отказа содержит состав другого преступления».

В заключение анализа условий правомерности добровольного отказа от доведения преступления до конца обратим внимание на некоторые особенности его отражения в ст. 31 УК применительно к соучастию в преступлении.

Несмотря на то, что в отечественном уголовном законодательстве добровольный отказ при соучастии впервые получил развернутую

⁷⁸ Об излишестве указания на это положение в других случаях, предусмотренных в поощрительных примечаниях в статьях Особенной части УК, говорят Н.Е. Крылова с Ю.М. Ткачевским (см.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 181-182).

регламентацию лишь в УК РФ 1996 г. (чч. 4, 5 ст. 31)⁷⁹, он фактически широко применялся на практике и до этого момента, имея под собой в качестве нормативно-правового основания стст. 16 и 17 УК РСФСР 1960 г. Вопросы добровольного отказа при соучастии практически всегда освещались в учебной литературе, в специальных исследованиях добровольного отказа от доведения преступления до конца.

Тем не менее нельзя не отметить, что законодательное отражение данного вопроса в УК 1996 г. отличается от практики, которая существовала до этого момента. Если в рамках действия УК РСФСР 1960 г. требования к добровольному отказу всех соучастников были в общем-то схожи и во главу угла ставилось условие предотвращения преступления исполнителем, то с принятием УК РФ 1996 г. уголовно-правовая оценка добровольного отказа соучастников стала носить дифференцированный характер: в то время как для организатора преступления и подстрекателя к преступлению названное условие по-прежнему осталось незыблемым, для пособника стало достаточно лишь принять все зависящие от него меры к предотвращению преступления (ч. 4 ст. 31 УК РФ).

В специальных исследованиях рассматриваемого вопроса, подготовленных в последнее время, неоднократно обращалось внимание на необходимость внесения ряда корректив в чч. 4, 5 ст. 31 УК РФ⁸⁰. В этой связи вполне обоснованно, на наш взгляд, А.И. Орлова указывает на излишество требования своевременности сообщения о готовящемся преступлении органам власти, предъявляемого к организатору и подстрекателю, поскольку в конечном итоге вывод о правомерности и успешности добровольного отказа с их стороны ставится в зависимость от предотвращения доведения преступления исполнителем до конца (ч. 4 ст. 31 УК). Несвоевременное же, по мнению правоприменителя, сообщение даже при наличии положительного результата

⁷⁹ Хотя первое упоминание о добровольном отказе при соучастии содержалось еще в Уголовном уложении 1903 г. (ст. 51). Основы же уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. в этой части так и не вступили в силу.

⁸⁰ Шатиришвили Н.Т. Добровольный отказ соучастников // Закон и право. 2008. №2. С. 95-96.

формально может свидетельствовать о несоблюдении одного из условий правомерности добровольного отказа этих соучастников⁸¹.

Но и здесь нужно допускать возможность вывода правоприменителя о неудавшемся добровольном отказе пособника, а соответственно, необходимость отражения и этого обстоятельства в уголовном законе. Думается все-таки, что описание в последнем всех возможных жизненных ситуаций, связанных с добровольным отказом пособника, вряд ли возможно, да и вряд ли допустимо с юридико-технической точки зрения. Поэтому представляется целесообразным, не меняя формулировку добровольного отказа пособника, дополнить ч. 5 ст. 31 УК РФ положением об уголовно-правовой оценке неудавшегося добровольного отказа со стороны этого соучастника, изложив ее в следующей редакции: «Если пособник преступления по независящим от него обстоятельствам не смог предпринять меры по предотвращению доведения преступления до конца, а действия организатора или подстрекателя, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающим обстоятельством при назначении наказания».

§ 2. Добровольный отказ от преступления в системе иных оснований прекращения уголовного преследования или изменения его характера и объема

Сложилось так, что в теории и практике уголовно-правового регулирования вопрос о соотношении добровольного отказа с другими институтами уголовного права обычно сводится к отграничению его от

⁸¹ Орлова А.И. Указ. соч. С. 18.

деятельного раскаяния. Между тем, как мы уже убедились, по своей юридической природе и социально-правовому назначению добровольный отказ имеет более широкий спектр точек соприкосновения с различными институтами и категориями в механизме уголовно-правового регулирования. По своему назначению и, как представляется, по уголовно-правовым последствиям он сопоставим с деятельным раскаянием. В зависимости же от того, признаем ли мы добровольный отказ обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, либо обстоятельством, влекущим за собой освобождение от нее, он сопоставим, соответственно, либо с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, либо с иными основаниями освобождения от уголовной ответственности. Помимо этого, в предусмотренных уголовным законом случаях добровольный отказ попадает еще и в круг обстоятельств, смягчающих наказание (чч. 4, 5 ст. 31 УК РФ).

Сразу отметим, что, по нашему мнению, добровольный отказ по своей юридической природе имеет мало общего с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, предусмотренных в ст. 37-42 УК РФ. Хотя, по-видимому, более точно данные обстоятельства именовать так, как предлагает С.В. Пархоменко: «Деяния, преступность которых исключается»⁸².

В то время как добровольный отказ регулирует поведение лица, уже преступившего уголовный закон, т. е. действует в сфере посткриминального поведения, обстоятельства, исключающие преступность деяния, - главным образом, функционируют в сфере докриминального, не преступного поведения. Отчасти такое регулирование имеет место и в сфере криминального поведения, когда, например, речь идет о превышении пределов необходимой обороны. В последнем случае содеянное, формально подпадающее под признаки преступного, изначально признается не преступным, а потому и исключающим уголовную ответственность. При добровольном же отказе правомерным

⁸² Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 59-85.

является лишь сам отказ, а деятельность, имевшая место до него, изначально уголовно-противоправна.

Здесь с момента уголовно наказуемого создания условий для совершения преступления, хотя преступление и не окончено, уже возникает обязанность несения уголовной ответственности. Следующий же за этим акт добровольного отказа свидетельствует лишь о нецелесообразности превращения этой обязанности в реальную уголовную ответственность. Сопоставимо рассматриваемое, пожалуй, лишь по своей общей социальной направленности: оба они несут в себе активное положительное начало с точки зрения решения задач, стоящих перед уголовным правом (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Эти задачи в данном случае решаются не посредством угрозы применения уголовного наказания или его реального применения к лицам, нарушившим требования уголовного закона, а посредством стимуляции уголовно-правовыми средствами, отличными от наказания, социально полезного поведения лиц в докриминальной и посткриминальной сферах.

Сказанное еще раз подтверждает необоснованность определения уголовно-правовых последствий добровольного отказа как исключения уголовной ответственности. Не случайно законодатель не взял на себя смелость объявить деяние, совершенное до добровольного отказа, непроступным, прекратив тем самым многолетнюю дискуссию о его правовых последствиях.

В ряду оснований отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования, предусмотренных ст. 24-28 УПК РФ, добровольный отказ занимает особое место не только потому, что он не освещается в названных статьях, но еще и потому, что он представляет собой разновидность позитивного посткриминального поведения, и в этом плане действительно сопоставим только с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) и примирением с потерпевшим (ст. 25 УПК РФ), которое, на наш взгляд, представляет собой частный случай раскаяния в содеянном. Поэтому с точки зрения законодательной техники в существующем виде содержание ст. 25 УПК РФ вполне могло быть помещено в ст. 28 УПК РФ.

Из сказанного ранее имеем общее представление о добровольном отказе. Поэтому прежде чем сравнивать его с деятельным раскаянием, назовем его основные параметры.

Понятие деятельного раскаяния впервые регламентировано в УК РФ 1996 г. В прежних нормативных актах уголовно-правового характера, включая УК РСФСР 1960 г., предусматривались лишь отдельные формы проявления раскаяния в содеянном, причем как в Общей (например, в п. 1, 9 ст. 38 УК РСФСР 1960 г.), так и в Особенной (например, п. «б» ст. 64, примечание к ч. 1 ст. 218 УК РСФСР 1960 г.) частях уголовного законодательства. В этой связи представляются не совсем точными утверждения некоторых авторов о том, что, например, УК РСФСР 1960 г. не предусматривал данного вида освобождения от уголовной ответственности⁸³ либо что деятельное раскаяние по УК РСФСР 1960 г. выступало только в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, но не освобождающего от нее⁸⁴. УК РФ 1996 г. отличается от УК РСФСР 1960 г. в рассматриваемой сфере только одним - тем, что в нем впервые появилось само понятие деятельного раскаяния, определение которого по-прежнему на законодательном уровне не дается. Вместе с тем, как в прежнем, так и в действующем уголовном законодательстве уголовно-правовые последствия различных проявлений деятельного раскаяния схожи - это либо смягчение наказания (п. 1, 9 ст. 38 УК РСФСР и п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст. 62 УК РФ 1996 г.), либо освобождение от уголовной ответственности (ст. 75 и соответствующие примечания к статьям Особенной части УК РФ 1996 г. и УК РСФСР 1960 г.). Поведение лица после совершения преступления, включая «активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления» (т. е., по сути, не что иное, как деятельное раскаяние), может служить еще и основанием для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ). Однако полноценное рассмотрение деятельного раскаяния выходит за рамки настоящей работы.

⁸³ См., напр.: Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. М., 1999. С. 23.

⁸⁴ См.: Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 462.

Поэтому в дальнейшем такого рода возможные уголовно-правовые последствия деятельного раскаяния, как и вопрос о целесообразности их включения в ст. 64 УК РФ, оставляем без внимания.

В этом плане различие можно усмотреть лишь в характере регламентации названных последствий: во-первых, в действующем уголовном законе, в отличие от прежнего, предусмотрено общее правовое основание для законодательной практики освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части (ч. 2 ст. 75 УК) и возможность освобождения от уголовной ответственности применительно ко всем преступлениям небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 75 УК); во-вторых, в то время как в прежнем уголовном законе смягчение наказания как уголовно-правовое последствие деятельного раскаяния являлось правом суда, в действующем - и правом (п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), и обязанностью (ст. 62 УК РФ).

При отсутствии законодательного определения понятия деятельного раскаяния в научной литературе этот вопрос решается по разному⁸⁵. Представляется, что наиболее приемлемым, отражающим суть рассматриваемого понятия является следующее определение: деятельное раскаяние - это добровольные действия лица, совершившего преступление, направленные на устранение или уменьшение последствий содеянного, а также оказание помощи правоохранительным органам в раскрытии совершенного преступления, свидетельствующие о том, что такое лицо перестало быть общественно опасным.

В УК РФ деятельное раскаяние в различных проявлениях регламентировано в пп. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст. 62, 75, в примечаниях к ст. 122, 126, 127.1, 204, 205.1, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 282.1, 282.2, 291, 307. Исходя из смысла закона, регламентирующего различные формы деятельного раскаяния, можно сделать следующие выводы.

⁸⁵ См., напр.: Аликперов Х.Д. Указ. соч. С. 42; Кириллова Н.П. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. СПб., 1998. С. 20; Уголовное право. Общая часть / Отв.ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1998. С. 419.

Во-первых, перечень форм деятельного раскаяния является открытым. К ним могут относиться явка с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба и морального вреда, изобличение соучастников преступления, оказание медицинской и иной помощи пострадавшему непосредственно после совершения преступления, а также иные действия, свидетельствующие о раскаянии в содеянном, вследствие чего лицо, совершившее преступление, перестает быть общественно опасным.

Во-вторых, уголовно-правовым последствием деятельного раскаяния могут выступать либо освобождение от уголовной ответственности либо смягчение наказания. Смягчение наказания независимо от категории совершенного преступления может стать следствием любого из вышеперечисленных действий. Раскаяние в содеянном, влекущее освобождение от уголовной ответственности, отличается своеобразием. Для этого в одном случае требуется совершить совокупность действий, подтверждающих деятельное раскаяние (ч. 1 ст. 75 УК РФ), в другом - конкретное действие, названное в самом тексте закона (ч. 2 ст. 75 и соответствующие примечания к статьям Особенной части УК РФ).

В-третьих, определение деятельного раскаяния в тексте уголовного закона через отдельные формы его проявления акцентирует внимание именно на объективной характеристике деятельного раскаяния. Другими словами, в отличие от этимологического значения слова «раскаяние», в уголовном законе речь идет о раскаянии посредством совершения конкретных положительных поступков. При этом субъективная «окраска» самих этих поступков, равно как и субъективное отношение лица к совершенному им преступлению, по общему правилу, имеют второстепенное значение для уголовно-правовой оценки деятельного раскаяния. Последнее не есть словесное раскаяние в содеянном, это раскаяние через поступки, которые и должны оцениваться в первую очередь при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности либо смягчении наказания.

Вместе с тем оформление возможности освобождения от уголовной ответственности или смягчения наказания за совершение данных поступков в тексте закона в большинстве случаев в виде правомочия, а не обязанности правоприменителя фактически позволяет учитывать и субъективные моменты раскаяния в содеянном, прежде всего, такой, как признание лицом своей вины в совершенном преступлении. В случаях же освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ требуется исключительно совершение предусмотренных законом действий. Не случайно, например, при освобождении от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 291 УК РФ мотивы добровольного заявления о даче взятки уголовно-правового значения не имеют.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в УК РФ представлено в двух разновидностях:

- применительно ко всем преступлениям небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 75 УК РФ);
- применительно ко всем иным категориям преступлений (ч. 2 ст. 75 и соответствующие примечания Особенной части УК РФ).

При наличии к тому основания вопрос об освобождении от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ может быть поставлен лишь при соблюдении двух условий: во-первых, в том случае, если речь идет о совершении преступления только небольшой или средней тяжести, и, во-вторых, когда преступления данных категорий совершены впервые.

Суть первого условия заключается в том, что любое лицо, совершившее любое преступление небольшой или средней тяжести, имеет предусмотренную законом возможность выхода из конфликтной ситуации путем деятельного раскаяния. Безусловно, эффективность нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 75 УК РФ и ей подобных, напрямую зависит от осведомленности лица, совершившего преступление, о наличии такой возможности.

Суть второго условия в том, что преступление небольшой или средней тяжести должно быть совершено впервые. В данном случае речь идет не о

любом факте совершения преступления впервые, но именно преступления указанной в ч. 1 ст. 75 УК РФ категории. Слово «впервые» увязывается не с конкретным преступлением, не с видом преступлений (например, против собственности), а с категорией преступления.

В то время как норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, предусмотренная в ч. 1 ст. 75 УК, представляет собой законодательную новеллу в сравнении с прежним уголовным законодательством России, норма, закрепленная в ч. 2 данной статьи, оригинальна лишь тем, что она предусматривает общее правовое основание для так называемых «специальных» видов освобождения от уголовной ответственности.

Названные виды освобождения от уголовной ответственности являются специальными в том смысле, что, во-первых, они регламентированы не в Общей, а в Особенной части УК, и, во-вторых - и это главное - различные формы деятельного раскаяния как основания применения этих видов освобождения от уголовной ответственности специфичны применительно к конкретным преступлениям.

При рассмотрении вопроса о соотношении добровольного отказа с деятельным раскаянием в теории уголовного права внимание обычно фокусируется на различиях между данными институтами. В результате вопрос о том, почему сопоставляются именно эти два института, зачастую остается открытым. По-видимому, есть, прежде всего, то, что их объединяет. Это общее, на мой взгляд, заключается в следующем:

1. В числе прочих оснований прекращения уголовного преследования только добровольный отказ и деятельное раскаяние носят ярко выраженный поведенческий характер. Они могут выражаться либо в форме действия и бездействия (добровольный отказ), либо только в форме действия (деятельное раскаяние).

2. Субъектами добровольного отказа и деятельного раскаяния выступают лица, во-первых, способные нести уголовную ответственность, а, во-вторых, уже преступившие черту уголовного закона.

3. В отличие от иных институтов уголовного права (в частности, освобождения от уголовной ответственности, наказания, его отбывания), институты добровольного отказа и деятельного раскаяния не просто регулируют, но именно стимулируют посредством мер уголовно-правового характера посткриминальное поведение, вызывая к жизни его позитивный вариант проявления. Отчасти эти средства-стимулы, выступающие одновременно уголовно-правовыми последствиями, совпадают: освобождение от уголовной ответственности для удавшегося добровольного отказа и деятельного раскаяния; смягчение наказания для неудавшегося добровольного отказа и деятельного раскаяния в рамках п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, 62 УК РФ.

4. Мотивы добровольного отказа и деятельного раскаяния уголовно-правового значения не имеют⁸⁶.

А теперь более подробно о том, что отличает добровольный отказ и деятельное раскаяние друг друга.

Прежде всего, заметим, что необходимость установления таких отличий продиктована не только признанием (или отрицанием) возможности добровольного отказа на стадии оконченного покушения, как это порой преподносится в литературе⁸⁷.

В этой связи можно назвать первое различие: сферой действия добровольного отказа выступает начатая, но не оконченная в юридическом смысле преступная деятельность; сферой действия института деятельного раскаяния - по общему правилу, поведение лица после совершения преступления (оконченного в юридическом смысле) до момента его осуждения. Оговорка здесь не случайна, поскольку в литературе и комментариях уголовного закона широко распространено мнение о том, что деятельное раскаяние возможно

⁸⁶ См.: Ключев А.А. Добровольный отказ от совершения преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 5: Неоконченное преступление. СПб., 2006. С. 329.

⁸⁷ См., напр.: Русинов Т.Б. С. 277.

только при оконченном преступлении⁸⁸. Между тем некоторые формы деятельного раскаяния, предусмотренные в п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, могут иметь место и в ситуации недоведения преступления до конца по причинам, независящим от воли виновного, т.е. в рамках неоконченной преступной деятельности. Например, после попытки совершить убийство, неудавшейся вследствие того, что не сработало взрывное устройство, один из участников преступления является в правоохранительные органы с повинной и изобличает других соучастников. Также, например, в литературе высказано небезосновательное суждение о том, что в существующей редакции примечание к ст. 205 УК РФ, в отличие от других подобных примечаний, регламентирует не деятельное раскаяние, а добровольный отказ от доведения преступления до конца⁸⁹. Вместе с тем это же самое примечание нередко рассматривается и в контексте деятельного раскаяния в акте терроризма⁹⁰.

Отличие добровольного отказа от деятельного раскаяния по рассматриваемому параметру в литературе иногда формулируется иначе. Так, например, Н.Ф. Кузнецова полагает, что различие между ними в том, что первое происходит до наступления общественно опасных последствий, а второе - после их наступления⁹¹. Однако данное суждение может быть признано верным в отношении преступлений только с материальным составом, для объективной стороны которого общественно опасные последствия обязательны, а их отсутствие свидетельствует о неоконченности преступления и, соответственно, о возможности добровольного отказа. При совершении же преступлений с формальным составом важно другое: насколько выполнены

⁸⁸ См., напр.: Анашкин Г.З. Ответственность за измену Родине и шпионаж. М., 1964. С. 116; Пионтковский А.И. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 527.

⁸⁹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой / Под ред. С.И. Никулина. М., 2002. С. 632; Орлова А.И. Указ. соч. С. 14-15; Ижаева Ш.М. Освобождение от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 208 УК // Российский следователь. 2008. № 3. С. 17-19.

⁹⁰ См., напр.: Щерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. М., 1997. С. 28.

⁹¹ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 178.

действия, образующие объективную сторону. Здесь ориентация на общественно опасные последствия при решении вопроса об отграничении добровольного отказа от деятельного раскаяния вообще не приемлема и мало что дает. Следовать логике Н.Ф. Кузнецовой, полагающей, что любое преступление вредоносно, влечет за собой общественно опасные последствия (изменения в объекте), и в этой связи отрицать деление составов преступлений на материальные, формальные и усеченные⁹² - значит, стирать вообще все грани между рассматриваемыми, по крайней мере, по сфере их доили посткриминального действия, в том числе по признаку наличия или отсутствия общественно опасных последствий.

В свете сказанного более подробно остановимся на традиционной проблеме соотношения добровольного отказа и деятельного раскаяния, фокусирующейся в уголовно-правовой оценке позитивного поведения лица на стадии оконченного покушения.

Если учесть, что большинство специалистов, рассматривающих в качестве правового последствия добровольного отказа не освобождение от уголовной ответственности, а ее исключение, прямо говорят, что при добровольном отказе нет состава преступления, а при деятельном раскаянии он налично, то рассматриваемая проблема для них, в общем-то, должна решаться элементарно: положениями о добровольном отказе должна охватываться любая положительная посткриминальная деятельность лица, при условии, что она имела место до момента юридического окончания преступления. Логично предположить, что сказанное в полной мере сохраняет свое значение и для решения вопроса о возможности добровольного отказа на стадии оконченного покушения.

Тем не менее, несмотря на отмеченное обстоятельство, дискуссия по этому вопросу в теории уголовного права не прекращается. В этой связи в современной литературе можно выделить два подхода к его решению: 1)

⁹² См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 379.

допущение возможности добровольного отказа на стадии оконченного покушения с оговорками, не связанными с общепринятым отграничением его от деятельного раскаяния; 2) безоговорочное допущение такой возможности в рамках неоконченной преступной деятельности.

Своеобразное решение рассматриваемой проблемы предлагает А.И. Орлова. Производя замену понятия покушения на понятие совершения деяния, выделяя при этом в последней стадии неоконченного и оконченного деяния («соответствующие по своим временным и физическим характеристикам неоконченному и оконченному покушению»), исследовательница полагает, что констатация добровольного отказа на стадии оконченного деяния возможна с учетом «оценки представлений лица о совершении им преступления и о ходе развития преступной деятельности». Другими словами, такой отказ возможен тогда, когда, во-первых, лицо допускает наличие возможности предотвращения преступных последствий после совершения всех действий (бездействия) объективной стороны преступления, а во-вторых, данное представление не противоречит законам развития причинно-следственной связи⁹³.

В противоположность описанному выше подходу к решению вопроса о возможности добровольного отказа на стадии оконченного покушения сторонники безоговорочного ее допущения в рамках неоконченной преступной деятельности говорили и говорят о другом: об учете не субъективного, не «субъективной опасности лица» (М.Д. Шаргородский), а объективного⁹⁴. Наличие возможности влиять на ненаступление преступных последствий, возможности, обусловленной спецификой объективной стороны преступления в части соотношения по времени «действие (бездействие) - преступные последствия», характером используемых при этом средств совершения преступления, - вот единственная и достаточная с точки зрения уголовного закона предпосылка для добровольного отказа на стадии оконченного покушения. Представится ли такая возможность лицу, совершающему

⁹³ Орлова А.И. Указ. соч. С. 13-14.

⁹⁴ См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 195.

преступление, воспользуется ли оно ею и как именно воспользуется - это вопрос конкретной жизненной ситуации. При успешности действий лица по предотвращению преступного результата в полном объеме есть все основания для оценки их в рамках ст. 31 УК РФ. При их неуспешности, а равно и при наступлении иных, менее тяжких последствий, в сравнении с теми, которые изначально планировались лицом, содеянное следует оценивать по фактически наступившим последствиям.

Например, если с целью лишения жизни двух или более лиц, виновный лишает жизни одного человека, а после этого добровольно отказывается от дальнейшей реализации преступного намерения в отношении других намеченных жертв, то ни о каком покушении на убийство, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, речи быть не может. В отношении данного преступления имеет место добровольный отказ (ст. 31 УК РФ), а содеянное до него должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Другими словами, и на такого рода ситуации должно распространяться положение ч. 3 ст. 31 УК РФ: «Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления». По этим же правилам, по нашему мнению, следует оценивать добровольный отказ при совершении так называемых продолжаемых преступлений.

На основании изложенного, с учетом предложенной нами ранее редакции ч. 1, 2 ст. 31 УК РФ, представляется целесообразным дополнить п. «б» ч. 2 этой статьи словами «а равно предотвращение их вредных последствий».

Помимо разграничения добровольного отказа и деятельного раскаяния по сфере их действия, в теории и практике уголовно-правового регулирования принято различать их еще и по уголовно-правовым последствиям. Учитывая уже приведенные на этот счет суждения, обратим теперь внимание на то, как

добровольный отказ соотносится с обстоятельствами, смягчающими наказание⁹⁵.

Прежде всего, еще раз отметим, что деятельное раскаяние может попадать в сферу действия обстоятельств дважды: как удавшееся, за исключением ситуаций, предусмотренных ст. 75 УК и соответствующими примечаниями Особенной части УК (которые влекут за собой освобождение от уголовной ответственности), и как неудавшееся, когда, например, по мнению органа, применяющего уголовный закон, лицо не очень активно способствует раскрытию преступления (примечание к ст. 228 УК). И в том, и в другом случае речь может идти о смягчении наказания на основании п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 либо ст. 62 УК РФ.

Что же касается добровольного отказа, то он может попадать в сферу действия обстоятельств, смягчающих наказание, только в одном случае - в случае неудачи. Так, согласно ч. 5 ст. 31 УК РФ, если действия организатора или подстрекателя, связанные с предотвращением преступления исполнителем, оказались безуспешными, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающим обстоятельством при назначении наказания. Про неудавшийся добровольный отказ исполнителя уголовный закон умалчивает, хотя в принципе он может быть оценен и в рамках действующего уголовного законодательства через призму ч. 2 ст. 61 УК РФ. Думается, однако, что для повышения эффективности стимулирующих начал института добровольного отказа его безуспешный вариант следует регламентировать непосредственно в ст. 31 УК РФ. Такая регламентация могла бы быть представлена в следующем виде: «Если, несмотря на предпринятые лицом меры по недоведению преступления до конца, оно было окончено, такое лицо подлежит уголовной ответственности с учетом положений ст. 61 настоящего Кодекса». В контексте существующей редакции ст. 31 УК норма подобного содержания могла бы быть представлена и в ином виде: «Если действия лица, предусмотренные частью

⁹⁵ Одним из первых в специальной литературе этот вопрос в свое время исследовал И.И.Слуцкий (Слуцкий И.И. Указ. соч. С. 20-40).

первой настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления, то предпринятые им меры могут быть признаны судом смягчающим обстоятельством при назначении наказания» - (ч. 1.1). Учитывая тот факт, что по своему социально-правовому значению добровольный отказ сопоставим лишь с обстоятельствами, предусмотренными в п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а они в свою очередь характерны только для посткриминального поведения, целесообразно безуспешный добровольный отказ адаптировать к 61 УК РФ в качестве самостоятельного обстоятельства, могущего повлечь за собой смягчение наказания. Это обстоятельство могло бы быть сформулировано следующим образом: «неудавшийся добровольный отказ от доведения преступления до конца».

По мнению И.Я. Козаченко, неудавшийся добровольный отказ исполнителя может быть вообще уголовно ненаказуемым в том случае, когда «имел место отказ от продолжения преступного посягательства в силу того, что кто-то другой уже предотвратил наступление преступного результата»⁹⁶. Автор, к сожалению, не приводит примера такой ситуации. Буквальное же толкование сказанного приводит только к одному выводу: в данном случае преступление не доведено до конца по причинам, независящим от воли виновного. А потом, сама по себе формула «неудавшийся добровольный отказ от доведения преступления до конца» означает опять же только одно: доведение преступления до конца. Поэтому, на наш взгляд, неудавшийся добровольный отказ как юридически значимое явление не может превращаться в юридически безразличное в смысле правовых последствий явление.

В связи с проведением отграничения добровольного отказа от деятельного раскаяния по их юридической природе и уголовно-правовым последствиям обратим внимание еще на один срез рассматриваемой проблемы: какой из названных должен применяться при положительном посткриминальном поведении при совершении длящихся преступлений?

⁹⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. 2002. С. 135.

Подчеркнем: действующее уголовное законодательство не знает понятия делящегося преступления. Тем не менее, оно прочно устоялось в теории уголовного права, им широко оперирует правоприменительная практика. Какие же проблемы здесь могут возникать в интересующем нас аспекте?

Ссылаясь на сложившуюся практику применения так называемых «поощрительных» примечаний к статьям Особенной части УК и, в частности, на примечание к ст. 222 УК, а также на положения ч. 2 ст. 75 УК (в редакции до принятия Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ) и ч. 2 ст. 28 УПК (в редакции Федерального закона от 5 июля 2007 г. № 87-ФЗ), А.Г. Калугин, признавая наличие в действиях лица, добровольно сдавшего незаконно хранившееся у него огнестрельное оружие, признаков уже оконченного преступления, вместе с тем говорит о нецелесообразности возбуждения уголовного дела в подобной ситуации, поскольку оно «однозначно обречено на прекращение». Возможно поэтому, не случайно среди практических работников бытует мнение о том, что деятельное раскаяние вообще не подлежит доказыванию⁹⁷. В этой связи автор предлагает распространить положения ст. 31 УК РФ на делящиеся преступления, при условии отказа лица, совершившего такое преступление, «от дальнейшего продолжения своего деяния»⁹⁸. Заметим, что данное предложение не оригинально, аналогичное предложение в свое время высказывалось И.И. Слуцким. Если же говорить по существу, то оно, на мой взгляд, не выдерживает критики ни с точки зрения целесообразности, ни с точки зрения законности. Как известно, прежде чем освободить от чего-либо, это «что-то» должно быть зафиксировано в установленном законом порядке. Факт совершения оконченного в юридическом смысле преступления должен влечь за собой акт возбуждения уголовного дела. И только после этого может приниматься решение о его прекращении, сопровождаемое актом освобождения от уголовной ответственности, причем применительно к рассматриваемой ситуации, - освобождения по

⁹⁷ См. об этом, напр.: Щерба С.П., Савин А.В. Указ. соч. С. 4.

⁹⁸ Калугин А.Г. Указ. соч. С. 313-316.

нереабилитирующим основаниям⁹⁹. Дело ведь еще и в том, что лицо, считающее себя невиновным в совершении преступления, имеет предусмотренное законом право возражать против прекращения дела по названным основаниям и требовать рассмотрения дела в суде для полного оправдания. Но полноценная реализация этого права возможна лишь в том случае, когда до принятия решения об освобождении от уголовной ответственности лицо было привлечено в качестве обвиняемого. Именно этот статус превращает лицо в активного участника уголовного процесса и наделяет его комплексом прав для отстаивания своих законных интересов.

А.Г. Калугин, предлагая распространить положения ст. 31 УК на деящиеся преступления, к сожалению, обходит стороной вопрос об уголовно-правовых последствиях добровольного отказа. Можно предположить, что он видит их в исключении уголовной ответственности, ведь только такая постановка вопроса может исключать «всякое производство в рамках уголовно-процессуальной процедуры»¹⁰⁰. Однако в этом случае все преступления с формальным составом, предусмотренные в статьях УК РФ с поощрительными примечаниями, вообще не будут подлежать никакому учету. Да и в наличии самих таких примечаний тогда отпадает всякая необходимость, поскольку они охватываются ст. 31 УК РФ.

Таким образом, положительное поведение лица, в деянии которого уже содержатся признаки оконченного преступления, ничем иным кроме деятельного раскаяния считаться не может, в том числе и применительно к деящимся преступлениям¹⁰¹.

⁹⁹ О понятии реабилитирующих и нереабилитирующих оснований см.: Приказ о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399. Зарегистрирован в Минюсте РФ 30 декабря 2005 г. №7339 // Российская газета. 2006. 25 января. Следует, однако, заметить, что решение вопросов такого характера должно отражаться не в ведомственных или в межведомственных приказах, а в нормативных правовых актах, равнозначных по юридической силе УПК, в котором, кстати, есть специальная глава, посвященная этим вопросам (гл. 18).

¹⁰⁰ Калугин Л.Г. Указ. соч. С. 315.

¹⁰¹ Звечаровский И.Э. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 41-42.

Заключение

1. Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца.

2. Социальная сущность добровольного отказа заключается в том, что лицо начинает совершать преступление, но в силу тех или иных причин прекращает преступное поведение по собственному волеизъявлению, в связи с чем преступный результат не наступает. Для общества же остается главным исключением вреда тем или иным общественным отношениям. Социальная полезность подобного значительно выше по сравнению с полезностью пресеченной преступной деятельности потому, что в таком случае не только прерывается преступное деяние, но уже и личность относительно ненаступившего преступного последствия становится не преступной, чего нет в пресеченном преступлении, хотя действия лица в какой-то их части остаются преступными.

3. Объективным признаком добровольного отказа является несовершение лицом задуманного им деяния при наличии у него возможности такого совершения.

4. Субъективных признаков добровольного отказа несколько:

Первым из них является добровольность: лицо должно отказаться от совершения задуманных действий по своей воле, а не вследствие принуждения или непреодолимой силы. Мотивы отказа при этом значения не имеют: это могут быть стыд, угрызания совести, страх перед наказанием, жалость к потерпевшему или даже лень, но основным мотивом, как правило, является страх перед разоблачением.

Второй субъективный признак - это осознание возможности довести преступление до конца. Если лицо осознаёт, что вследствие изменения обстановки его план, скорее всего, будет провальным, отказ не может быть признан добровольным. Значение при этом имеет не объективная возможность реализации замысла, а субъективное представление виновного о её наличии.

5. Добровольный отказ должен быть окончательным и безусловным: у лица должно отсутствовать намерение вернуться к совершению преступного деяния по прошествии некоторого времени или по наступлении определённых условий.

6. Добровольный отказ возможен на стадии приготовления к преступлению и неоконченного покушения.

Возможность добровольного отказа на стадии оконченного покушения, когда виновный уже выполнил все действия, которые считал необходимыми для наступления преступных последствий, но они на момент отказа ещё не наступили по не зависящим от него причинам, является спорной. Ясно, что, например, в случае, когда виновный стреляет из пистолета в потерпевшего с намерением убить, но, причинив тяжкий вред здоровью, отказывается от доведения до конца преступного намерения, признание добровольного отказа не соответствовало бы целям, которые ставятся обществом перед уголовным правом.

Однако неоднозначно решается вопрос относительно добровольного отказа в случаях, когда ещё возможно вторжение исполнителя в развитие причинной связи и недопущение им наступления последствий поведения, т. е. добровольный отказ, совершаемый в форме активных действий (например, действия террориста, заложившего взрывное устройство с часовым механизмом, по демонтажу этого устройства; введение противоядия потерпевшему, которому виновный подсыпал яд и т.д.).

При оконченном покушении добровольный отказ возможен только в случае, если возможность предотвращения последствий объективно присутствует и виновный предотвращает своими действиями наступление

таких последствий. В остальных случаях добровольный отказ при оконченном покушении невозможен.

7. Добровольный отказ от совершения преступления исключает привлечение к ответственности за совершение задуманного деяния. Однако если виновный до отказа от реализации основного преступного намерения в ходе неоконченной преступной деятельности уже успел совершить некие общественно опасные деяния (например, незаконно приобрёл оружие), он может нести за это ответственность.

Основанием освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе является отсутствие в действиях лица состава преступления: состав приготовления или покушения в данном случае отсутствует, поскольку данные составы включают в качестве обязательного признака прерывание процесса посягательства против воли совершающего его лица

8. Добровольный отказ не следует смешивать с деятельным раскаянием, которое представляет собой добровольное заглаживание причиненных общественно опасных последствий. Деятельное раскаяние осуществляется уже после окончания преступления и представляет собой активное поведение лица.

Вместе с тем, есть и то, что объединяет два эти понятия. Это общее, на мой взгляд, заключается в следующем:

а) В числе прочих оснований прекращения уголовного преследования только добровольный отказ и деятельное раскаяние носят ярко выраженный поведенческий характер. Они могут выражаться либо в форме действия и бездействия (добровольный отказ), либо только в форме действия (деятельное раскаяние).

б) Субъектами добровольного отказа и деятельного раскаяния выступают лица, во-первых, способные нести уголовную ответственность, а, во-вторых, уже преступившие черту уголовного закона.

в) В отличие от иных институтов уголовного права (в частности, освобождения от уголовной ответственности, наказания, его отбывания),

добровольный отказ и деятельное раскаяние не просто регулируют, но именно стимулируют посредством мер уголовно-правового характера посткриминальное поведение, вызывая к жизни его позитивный вариант проявления. Отчасти эти средства-стимулы, выступающие одновременно уголовно-правовыми последствиями, совпадают: освобождение от уголовной ответственности для удавшегося добровольного отказа и деятельного раскаяния; смягчение наказания для неудавшегося добровольного отказа и деятельного раскаяния в рамках п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, 62 УК РФ.

г) Мотивы добровольного отказа и деятельного раскаяния уголовно-правового значения не имеют.

9. Отдельным положением следует отметить добровольный отказ от совершения преступления соучастниками преступления.

Так, организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. Пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.

Если действия организатора или подстрекателя не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающими обстоятельствами при назначении наказания.

10. Вместе с тем, возможны отдельные изменения в содержании статьи 31 УК РФ, положения которой стали бы, по моему мнению, более юридически корректными и социально направленными, если бы они были представлены в следующем виде:

«Статья 31. Добровольный отказ от доведения преступления до конца

1. Лицо освобождается от уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно, окончательно и без каких-либо требований отказалось от доведения этого преступления до конца.

2. Добровольным отказом от доведения преступления до конца, при условии осознания лицом возможности его окончить, признается:

а) прекращение лицом умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступления, если оно уголовно наказуемо согласно ст. 30 настоящего Кодекса;

б) прекращение лицом умышленных действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, а равно предотвращение их вредных последствий.

3. Если действия лица, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления, то предпринятые им меры могут быть признаны судом смягчающим обстоятельством при назначении наказания.

4. Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если содеянное им до добровольного отказа содержит состав другого преступления.

5. Организатор преступления и подстрекатель к преступлению освобождаются от уголовной ответственности, если они предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. Пособник преступления освобождается от уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры по предотвращению доведения преступления до конца.

6. Если пособник преступления по независящим от него обстоятельствам не смог предпринять меры по предотвращению доведения преступления до конца, а действия организатора или подстрекателя, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающим обстоятельством при назначении наказания».

С внесением изменений и дополнений в уголовное законодательство необходимо с учетом юридической природы деяния, совершенного до добровольного отказа, влияющей и на уголовно-правовые последствия такого отказа, дополнить УПК РФ ст. 27.1 следующего содержания:

Список используемой литературы:

Нормативные правовые акты

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 26.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3. С. 11.
3. Российское законодательство X-XX веков. Т. 6. Законодательство первой
4. Российское законодательство X-XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 287.
5. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 59.
6. Основы законодательства СССР и союзных республик. М., 1987. С. 16.
7. половины XIX века. М, 1988. С. 197.
8. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003. С. 145-146.
9. Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 97-98.
10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2001. С. 55-57.
- Уголовный кодекс Республики Армения. Ереван, 2004. С. 29.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 91-92.
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001. С. 47-48.
13. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001. С. 47-48.
14. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001. С. 67-68.
15. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. С. 56-57.
16. Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. С. 49.
17. Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб., 2001. С. 58.
18. Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб., 2003. С. 136-138.
19. Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по состоянию на 10 мая 2008 г.). Харьков, 2008. С. 12-13.
20. Приказ о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399. Зарегистрирован в Минюсте РФ 30 декабря 2005 г. №7339 // Российская газета. 2006. 25 января.

Научная литература и материалы периодической печати

21. Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 17-28.
22. Кропачев Н.М. Уголовная ответственность, ее основание и механизм уголовно-правового регулирования // Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 204-206.
23. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 187.
24. Гринь М.В. Неоконченное преступление: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 164.
25. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. С. 358.
26. Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. - М., 1950. С. 151.
27. Гришанин П.Ф. Нормы уголовного закона о стадиях совершения преступления в свете задач предотвращения и предупреждения преступлений // Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. М., 1967. С. 81.
28. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 160.
29. Кузнецова Н.Ф. Неоконченное преступление // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 376.
30. Лозовицкая Г.Л. Общий сравнительно-правовой комментарий и сравнительные таблицы Уголовных кодексов государств - участников СНГ: В 2 ч. / Под ред. П.Г. Пономарева. Саратов, 2002. Ч. 2. С. 130-131.
31. Лясс Н.В. Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1952. С. 13.
32. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 520.
33. Редин М.П. Преступления по степени их завершенности. М., 2006. С. 60.

34. Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006. С. 148.
35. Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. М., 1982. С. 18.
36. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. Преступление / Под ред. А.А. Пионтковского. М., 1970. С. 432.
37. Кузнецова Н.Ф. Неоконченное преступление // Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2003. С. 274.
38. Баймакова Н. Место добровольного отказа от преступления в УК РФ // Мировой судья. 2009. № 4. С. 24.
39. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 11-12.
40. Тарханов И.А. Добровольный отказ: юридическая природа и правовое регулирование его последствий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2008. С. 186.
41. Панько К.А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву. Воронеж, 1975. С. 15-18.
42. Орлова А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 7.
43. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск, 1984. С. 147. См. также: Звечаровский Н.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. Иркутск, 1993. С. 108-109.
44. Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Р. Сундурова. Казань, 2003. С. 269.
45. Келина С.Т. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. М., 2003. С. 463-464.

46. Русинов Г.Б. Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Р. Сундурова. М., 2005. С. 269.
47. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001. С. 25.
48. Питецкий В.В. Применение нормы о добровольном отказе от совершения преступления // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 14.
49. Иванов Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов. М, 2003. С. 253.
50. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2005. С. 115.
51. Российское уголовное право: Учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 232-234.
52. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 76.
53. Иванов Н.Г. Уголовное право Российской Федерации: Общая и Особенная части. М., 2000. С. 170.
54. Благоев Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. Волков Б.С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань, 1982. С. 102.
55. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2006. С. 57.
56. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. С. 241.
57. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 241.
58. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов/ Под ред. А.И. Рарога, А.С. Самойлова. М., 2005. С. 251.
59. Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М, 2003. С. 274.

60. Волженкин Б.В. Добровольный отказ от преступления // Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 548.
61. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М., 2005. С. 84.
62. Иванов Н.Г. Уголовное право Российской Федерации: Общая и Особенная части. М., 2000. С. 170.
63. Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. М. 2002. С. 18.
64. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 181-182.
65. Шатиришвили Н.Т. Добровольный отказ соучастников // Закон и право. 2008. №2. С. 95-96.
66. Козубенко Ю.В. Уголовное преследование как элемент механизма уголовно-правового регулирования // Государство и право. 2008. № 2. С. 108-113.
67. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 59-85.
68. Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. М., 1999. С. 23.
69. Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2011. С. 462.
70. Кириллова Н.П. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. СПб., 1998. С. 20.
71. Уголовное право. Общая часть / Отв.ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 2010. С. 419.
72. Ключев А.А. Добровольный отказ от совершения преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 5: Неоконченное преступление. СПб., 2006. С. 329.

73. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под ред. С.И. Никулина. М., 2012. С. 632.

74. Ижаева Ш.М. Освобождение от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 208 УК // Российский следователь. 2008. № 3. С. 17-19.

75. Щерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. М., 1997. С. 28.

76. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. 2002. С. 135.

77. Звечаровский И.Э. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 41-42.

78. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2012. С. 283.

79. Тышкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1998. С. 214-255.